

БАРХАН и ТЮЛЬПАН

Мария Ларская

Я верну тебя,
БЫВШАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Ларская

Бархан и тюльпан

«Автор»

2026

Ларская М.

Бархан и тюльпан / М. Ларская — «Автор», 2026

Жизнь забрала у него прежнее лицо, прежнюю жизнь и уверенность в собственной неуязвимости. Только одну потерю он так и не смог принять — женщину, которую однажды сам заставил уйти.***Когда-то она дала мне то, в чём я так отчаянно нуждался: любовь, нежность, и заботу. Казалось бы, Бархатов, чего тебе ещё надо? Но однажды моё внутреннее чудовище всё-таки вырвалось наружу, и я собственными руками всё уничтожил. Теперь я сделаю всё, чтобы её вернуть.***Поздно вечером муж позвонил по видеосвязи. На экране появился гостиничный номер. За его спиной мелькнула девушка. — Кто она? — Твоя замена. Девушка подошла к нему, обняла за плечи и поцеловала в щёку. Он не отстранился. — Ты правда думала, что особенная? Единственная? Незаменимая? Я ждала, что он остановит её. — Нет, Дашенька. Не особенная. Не единственная. И, как видишь, вполне заменимая. — Просто прими факт: я наигрался. Когда-то я нашла в нём спасение: любовь, защиту, тишину. А потом он сломал во мне то, что уцелело даже после Йемена.

© Ларская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дорога на Таиз	6
Глава 2. Тюльпаны	9
Глава 3. Жить дальше	11
Глава 4. С первого взгляда	13
Герои	16
Глава 5. Позывной — Барс	18
Глава 6. Мажор	21
Глава 7. Изгнание	25
Глава 8. Пять дней	29
Глава 9. Второй шанс	32
Глава 10. Дорога на Пальмиру	35
Глава 11. Дальше — сам	38
Глава 12. Семья отца	40
Глава 13. Потерянный сын	42
Глава 14. Старый мир	46
Глава 15. Старые друзья	49
Глава 16. Приказ командира	52
Глава 17. Вдруг стало хорошо	56
Глава 18. Предложить ей могу только себя	59
Глава 19. Позывной — Бархан	61
Глава 20. Белая полоса	65
Глава 21. Моя весна	68
Глава 22. Конец сказки	70
Глава 23. Я не одна	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Мария Ларская

Бархан и тюльпан

Пролог

Когда-то она дала мне то, в чём я так отчаянно нуждался: любовь, нежность, заботу, дом. Казалось бы, Бархатов, чего тебе ещё надо?

Но однажды моё внутреннее чудовище всё-таки вырвалось наружу, и я собственными руками всё уничтожил.

Теперь я сделаю всё, чтобы её вернуть.

Поздно вечером муж позвонил по видеосвязи.

Я ответила почти сразу. Соскучилась, глупая.

На экране появился гостиничный номер. Полумрак, бутылка на столе и его лицо — пьяное и совершенно чужое.

За его спиной мелькнула девушка.

— Кто она?

— Твоя замена. — Он криво усмехнулся.

Девушка уверенно подошла к нему, словно имела на это полное право, обняла за плечи и легко поцеловала в щёку.

Он не отстранился. Не убрал её руки.

— Ты правда думала, что особенная? Единственная? Незаменимая?

Девушка громко засмеялась. Я ждала, что он остановит её. Он продолжал смотреть в камеру.

— Нет, Дашенька. Не особенная. Не единственная. И, как видишь, вполне заменимая.

Телефон задрожал в руках.

— Просто прими факт: я наигрался.

— Ты не можешь так... — прошептала я.

— Могу. Уже смог. Собирай свои вещи и убирайся из моей жизни. Ты мне больше не нужна.

Связь оборвалась.

Я ещё держала телефон у лица. Всё собиралась сказать: «Но мы же...»

Только никакого «мы» у него больше не было.

Он решил всё за нас.

Когда-то я нашла в нём спасение: любовь, защиту, тишину. Руку, за которую хотелось держаться.

А потом он сломал во мне то, что уцелело даже после Йемена.

Глава 1. Дорога на Таиз

Июль 2017 года. Йемен.

Дорога на Таиз тонула в солнце, пыли и дыму.

Горели машины с красными крестами на дверцах. Пламя пожирало ящики с гуманитарной помощью, лекарства, пластиковые канистры, документы — всё, до чего могло дотянуться.

Вокруг метались люди: военные, гражданские, сотрудники миссии. Одни кричали и звали на помощь, другие лежали неподвижно.

Чуть в стороне, возле двух тел — мужчины и женщины — сидела девушка. Её звали Дарья.

Она раскачивалась вперёд-назад, обхватив себя руками, и смотрела перед собой пустым взглядом.

— Я поняла, папа, — шептала она. — Тюльпаны. Мамочка, папа... тюльпаны...

Совсем недавно, в мае, ей исполнилось восемнадцать. Были свечи, смех, объятия, счастливые глаза родителей. Люди говорили ей красивые слова, желали счастливого будущего и дороги без бед.

Теперь будущего не было. Родители лежали рядом. А многие из тех, кто ещё недавно поднимал за неё бокалы, теперь лежали на этой же дороге — мёртвые или раненые.

К ней подбежал мужчина в медицинской жилетке, опустился рядом, быстро осмотрел руки, лицо, шею, плечи. Потом обернулся и кому-то крикнул:

— Жива! Не ранена! Но она в шоке.

Девушка не подняла головы.

— Я поняла, папа, — повторила она едва слышно. — Тюльпаны.

А до этой дороги, до Таиза, до дыма и огня, у неё была жизнь.

Мои родители познакомились ещё в восьмидесятых, в Новосибирском мединституте. Оба стали хирургами.

Детей у них долго не было. Сначала ждали, лечились, снова ждали, а затем почти смирились.

А потом появилась я. Поздняя, неожиданная, будто тихий ответ на их многолетнюю молитву. Они назвали меня Дарьей. Даром.

Когда мне исполнилось пять лет, родители устроились в Международный Красный Крест.

Сначала это казалось им рискованным контрактом, но со временем миссия стала их образом жизни.

Тем, от чего уже невозможно отказаться.

Они добились разрешения взять меня с собой — не в самые опасные точки, конечно, а туда, где при миссиях можно было жить с ребёнком: в относительно спокойных городах, где сохранялось подобие цивилизации.

Я росла между странами, больницами и офисами миссий.

Нас несло по миру — из страны в страну, туда, где были нужны врачи, лекарства и терпение.

Когда я подросла, то тоже стала помогать миссии как волонтер: переводила, заполняла анкеты, разбирала списки пациентов, переносила данные в отчёты, проверяла документы.

Но где бы мы ни жили, я знала: мама и папа рядом, значит, я дома.

И мы были очень счастливы.

А потом случился Таиз.

Гуманитарная колонна. Дорога. Жёлтый йеменский свет. Отец сидел впереди, рядом с водителем, мама — ближе ко мне. В машине пахло лекарствами и горячим пластиком.

Я помню, как колонна остановилась. На дороге стояла выгоревшая машина, а за ней — люди с оружием. В этой части Йемена тогда считалось относительно спокойно. Если нас и останавливали, то обычно это был просто очередной блокпост: проверили документы, задали пару вопросов — и мы ехали дальше. Но не в этот раз.

В этот раз нас заставили выйти из машин.

Я стояла на обочине. Жёлтая пыль липла к губам, ресницам и коже.

Родители прошли чуть вперёд. Отец говорил с кем-то из наших — коротко, спокойно, как обычно говорил в операционной.

Глядя на него, я была уверена: сейчас нас пропустят, и мы поедем дальше.

Потом раздалась первая очередь. Просто звук, который разорвал воздух.

Мама даже не успела испугаться. Она повернулась ко мне — растерянная, будто всё ещё пыталась понять, что происходит. Губы дрогнули, словно она хотела произнести моё имя.

Она упала рядом с машиной, а всё вокруг продолжало двигаться.

Отец обернулся.

Я помню его лицо. Не полностью — только глаза. В них было всё сразу: шок, ужас, потеря, которую невозможно исправить. Он посмотрел на маму, потом на меня.

— Дарья!

Он бросился ко мне.

Между нами было всего несколько шагов, но в тот момент они казались длиннее всей моей жизни. Я стояла, не двигаясь. Ноги не слушались.

Помню, как он упал не на землю — на меня. Тяжело, всем телом. Отец крепко прижал меня к земле: одна рука легла мне на затылок, вторая — обхватила плечи.

Вторая очередь настигла его как раз, когда он закрыл меня собой. Я оказалась под ним, лицом к горячей пыли, и вдруг весь мир стал маленьким: земля, его дыхание, стук сердца у моего уха.

Тук... Тук... Тук... Тук... Тук... Он был жив.

Я слышала это. Я держалась за этот звук, как за верёвку над пропастью. Пока сердце отца билось, мне казалось, что всё ещё можно вернуть. Что мама сейчас поднимется. Что кто-то остановит это. Что если я не пошевелюсь, если буду слушаться, если сделаю всё правильно, отец не уйдёт.

— Тихо, — прохрипел он.

«Пробито лёгкое», — подумала я.

Тук... Тук... Тук... Тук...

Хотелось закричать: «Папа». Хотелось попросить его встать, забрать меня, увезти куда угодно, только не оставлять здесь, на этой дороге, среди пыли, выстрелов и чужих криков. Но он только сильнее прижал мою голову к земле.

Тук... Тук... Тук... Его сердце билось всё медленнее.

— Даша, замри.

Раздался взрыв. Я слышала чьи-то шаги и обрывки чужой речи.

Тук... Тук...

— Как тюльпан, — сказал он почти беззвучно.

Какой тюльпан? Он, наверное, бредит.

Тук... Я всем своим существом ощущала, как жизнь покидает его.

Тук...

Следующего удара не было.

Я ждала его. Сначала — как ждут звук, который обязан повториться. Потом — как ждут чуда. Но чуда не произошло.

Всю свою жизнь отец спасал людей. И последней жизнью, которую он успел спасти, была моя.

После катастрофы люди часто говорят, что всё произошло слишком быстро, а понимание пришло позже.

Со мной было иначе.

Я поняла всё сразу. Поняла не разумом, а телом, всем своим существом. Землёй под щекой, рукой отца на моём затылке, пылью во рту, маминым неподвижным силуэтом у машины, тишиной там, где ещё мгновение назад билось его сердце.

Это был не страх и не боль.

Это был крах. Полный. Неотвратимый.

Больше не было мамы, не было отца, не было «потом», в котором кто-то объяснит, спасёт, вернёт, исправит.

Была только я — под мёртвой тяжестью отцовских рук.

И тогда сознание не выдержало. Оно отступило от настоящего, как от края бездны, куда больше нельзя смотреть.

Провал.

Глава 2. Тюльпаны

Реальность оборвалась, и вместо неё передо мной раскинулась пустыня из моего детства. Там отец ещё был жив, а мне было тринадцать.

Это была весенняя пустыня — короткое, почти невозможное чудо, которое длится всего несколько недель.

Земля ещё хранила влагу. Между камнями и песком пробивалась редкая зелень, а там, где совсем недавно, казалось, не могло расти ничего, вдруг появлялись цветы.

Тюльпаны.

Дикие, яркие, алые.

Они горели посреди пустыни маленькими язычками пламени, будто земля долго прятала внутри огонь и только теперь выпустила его наружу.

Отец присел рядом с одним тюльпаном. Осторожно обхватил ладонями воздух вокруг цветка, словно держал маленькое пламя.

— *Tulipa systola*, пустынный тюльпан, — сказал он. — Посмотри на него, Дашенька. Что ты видишь?

— Цветок. Красивый, — пожала я плечами.

— Только красивый? — Отец улыбнулся.

Я наклонилась ближе. Лепестки тонко светились на солнце, а стебель казался слишком хрупким для ветра и камней.

— Нежный, — сказала я. — Хрупкий.

Отец кивнул.

— Вот все так и думают. Но тюльпан не так прост, как кажется. А настоящая сила тюльпана не здесь.

Он коснулся пальцами земли у основания стебля.

— Вот где его сила, — сказал отец. — Под землёй, в луковице. Сверху может не остаться ничего, жара выжжет всё, пустыня заберёт жизнь обратно. Но тюльпан не погибнет, он просто станет невидимым.

— Значит, он сильный?

Отец посмотрел на меня.

— Очень. Просто его сила тихая. Тюльпан не спорит с пустыней. Он не кричит ей: «Я всё равно буду цвести тебе назло». Он уходит глубже, туда, куда не достаёт солнце. Бережёт себя. Копит силы. Ждёт. И однажды он обязательно снова расцветает.

Я сидела рядом с ним на корточках и слушала очень внимательно. Тогда мне казалось, что отец просто рассказывает про цветы.

Он убрал руки. Тюльпан чуть качнулся от ветра, но не согнулся.

— Запомни, Даша, — сказал отец. — Однажды может показаться, что весь мир против тебя. Как пустыня против тюльпана: слишком жарко, слишком сухо, слишком страшно, и помощи ждать неоткуда. В такой момент не нужно сражаться открыто. Иногда главное — просто сохранить жизнь.

Он провёл пальцами по земле у стебля.

— Уйти глубже. Сберечь силы. Не дать боли уничтожить тебя. Тюльпан возвращается к свету не сразу, а когда приходит его время. Это первый урок.

— А второй? — спросила я.

Отец посмотрел на цветущую землю и обвёл её рукой.

— Второй — вот он.

Я проследила за его взглядом.

— Видишь? Тюльпан не становится жёстким. Он остаётся цветком. В этом тоже сила.

— В красоте?

— В красоте, в мягкости. В способности нести жизнь туда, где её уже не ждут. Иногда после боли человек становится холодным, жестоким, закрытым. Но тюльпан учит другому. Он не превращается в колючку. Не пытается переделать пустыню. Не мстит земле за засуху. Не требует, чтобы мир стал добрее. Он переживает засуху и всё равно расцветает.

Он улыбнулся.

— И когда тюльпаны распускаются, они преображают всё пространство вокруг себя. И даже пустыня становится прекрасной, когда приходит время тюльпанов.

В следующую секунду я вновь оказалась в жестокой реальности.

Жар бил отовсюду — от солнца, от земли, от машин, которые горели неподалёку. В воздухе висела пыль, пахло раскалённым металлом, дымом и кровью. Чужие руки поднимали меня с земли. Чьи-то голоса звучали рядом, но слова распадались, не доходя до смысла.

— Я поняла, папочка. Тюльпаны...

Дальше всё было как в тумане.

Посольство, документы, вопросы, подписи, перелёт — всё слилось в одну длинную полосу между Йеменом и Москвой.

Глава 3. Жить дальше

После Йемена жизнь не продолжилась. Она началась заново.

И привыкать к новой жизни было очень тяжело.

Точнее — к жизни вообще.

Москва должна была быть домом, но казалась чужой.

Родственников у меня не было. Бабушки и дедушки давно умерли, близких родных не осталось.

Но коллеги родителей меня не бросили. Они помогли с тем, на что у меня самой не хватило бы ни сил, ни понимания: перевозка тел, похороны, документы, счета, справки. Я могла только кивать, подписывать бумаги и делать то, что мне говорили.

Особенно меня опекала Валентина Павловна, мамина коллега. Первое время она привозила продукты и помогла найти психолога.

И за это я ей безумно благодарна.

Ещё в нулевых родители продали всё, что оставалось у них в Новосибирске, и взяли в ипотеку трёхкомнатную квартиру в Москве. Зарплату они получали в долларах. Доллар рос к рублю, и ипотеку удалось закрыть быстрее, чем они когда-то рассчитывали.

Они говорили, что однажды у нас будет место, куда можно вернуться. Но возвращаться пришлось мне одной.

Квартира была почти необжитой. Светлые стены, какая-то мебель, закрытые двери комнат — всё казалось чужим. Иногда я ловила себя на желании рассказать маме какую-нибудь мелочь. Брала телефон и откладывала обратно.

Первые месяцы я почти не выходила из дома.

Могла с вечера собрать папку для юриста, утром одеться и надолго застыть в прихожей. Стоило представить дорогу, людей, весь этот слишком большой мир — начинали дрожать ноги.

Ночами мне снились кошмары. Я просыпалась от собственного крика и несколько секунд не понимала, где нахожусь.

Дни сливались между собой: чайник, звонки, документы, тишина, ночь. С психологом мы договорились начинать с небольших выходов из дома.

Поход в ближайший магазин иногда был единственным делом, на которое меня хватало за день.

Я училась дышать заново. День за днём собирала себя по частям. Наверное, со стороны это выглядело как сила. Но на самом деле я просто выполняла последнее, что оставил мне отец.

Жить.

Я старалась держаться за привычные дела. Родители рано приучили меня к самостоятельности. С детства я была на домашнем обучении, а в московской школе, к которой была прикреплена, проходила ежегодную аттестацию во время их отпусков. Отец объяснял математику, проверял диктанты и учил выхватывать главное из текста и разговора.

Я училась заочно на менеджменте: с детства мне нравилось собирать хаос в порядок — вещи, маршруты, списки, документы, маленькие бытовые катастрофы, из которых складывалась жизнь в миссиях.

Первый курс был уже позади.

Когда-то я думала стать врачом, но слишком остро чувствовала чужую боль. Родители умели справляться с чувствами и работать, а я сомневалась, что смогу так же.

Зато с документами, переводами и организацией я справлялась хорошо. К тому же английский и французский были для меня почти родными языками — они сопровождали меня с детства, из страны в страну, из миссии в миссию.

Теперь всё это неожиданно пригодилось, чтобы разбираться с обломками собственной жизни.

Денег у меня было немного, но на первое время хватало. О том, что будет, когда закончится это «первое время», я даже не пыталась думать.

Один из отцовских коллег дал мне визитку крупной юридической фирмы «Линия права». Сказал, что там надёжные специалисты и мне помогут с наследством, нотариальным оформлением, счетами родителей и страховыми выплатами.

Так у меня появился юрист — Марина Юрьевна. Она объясняла мне, какие документы нужны, куда подать заявление, что перевести, заверить, запросить. Помогала всё оформить, заполнить, отправить.

Наследственное дело было открыто, и нужно было просто ждать положенный срок.

Со страховкой всё затянулось. Для сотрудников Красного Креста она была обязательной, но международные документы, подтверждения, запросы и ответы требовали времени.

В декабре мне позвонили из юридической фирмы и сказали, что Марина Юрьевна уходит в декрет. Моё дело передавали другому специалисту.

По телефону я послушно согласилась приехать, а потом пожалела, что не попросила отложить встречу.

К Марине Юрьевне я привыкала два месяца. Теперь же нужно было снова собираться с духом и идти к чужому человеку. Ещё и мужчине.

Так в моей жизни появился Александр Бархатов.

Глава 4. С первого взгляда

Декабрь 2017. Москва.

Дарья.

Встречу с моим новым юристом назначили на среду, на двенадцать часов. Я приехала вовремя.

Секретарь вежливо улыбнулась и попросила подождать.

Я устроилась в приёмной возле кабинета. На коленях у меня лежала папка с документами. Я держала её обеими руками, будто это была не папка, а что-то живое. Последнее, что ещё связывало меня с родителями: бумаги, подписи, справки, страховой случай.

Дверь кабинета открылась.

Ко мне вышел молодой мужчина в чёрном костюме и галстуке. Высокий, темноволосый, с карими глазами.

— Дарья Сергеевна?

Голос оказался неожиданно красивым — низким, с лёгкой хрипотцой. Такой тембр хотелось слушать, даже если он произносил обычные деловые слова.

— Да.

— Александр Владимирович.

Он протянул правую руку. Я поднялась и вложила свою ладонь в его. Его ладонь была тёплой и сильной, и от этого короткого прикосновения почему-то стало спокойнее.

Когда он повернулся к двери, я заметила шрамы на левой стороне лица. Два, почти крест-накрест. Один начинался у линии роста волос, пересекал бровь и уходил к скуле. Второй тянулся поперёк — от скулы к щеке.

След ожога занимал нижнюю часть щеки, переходил на шею и исчезал под воротником белой рубашки.

Я опустила взгляд ниже.

Левая кисть тоже была обожжена, а двух пальцев — мизинца и безымянного — не хватало.

Мой взгляд задержался на нём всего на секунду, но он заметил.

В его глазах тут же появилось что-то холодное и привычное. Так смотрят люди, которые давно привыкли к чужой неловкости: к испугу, жалости, смущению, желанию поскорее отвести глаза.

Но меня шрамы не пугали.

Я не знала, что с ним случилось, но подумала, как трудно ему, наверное, было потом возвращаться к обычной жизни. Заново привыкать к себе, к людям. Мне самой до сих пор плохо это удавалось.

В его внешности не было лёгкой, праздничной красоты, которой любят и которую быстро забывают.

Он был красив иначе. Необычной красотой — сдержанной, сильной, опасно спокойной.

— Прощу, — сказал он и открыл дверь кабинета.

В кабинете Александр Владимирович сел напротив, открыл моё дело и начал говорить о страховой выплате, запросах, переводах, сроках.

Я слушала, кивала, пыталась сосредоточиться на документах.

Но всё равно несколько раз ловила себя на том, что смотрю на него.

На шрамы. На повреждённую руку. На внимательный взгляд.

Он говорил спокойно, но без лишней мягкости. В его манере вообще не было мягкости. Но почему-то именно рядом с ним стало безопаснее.

Странное чувство. Наверное, именно тогда я впервые подумала, что он хороший. Раненый. Живой.

И почему-то прекрасный.

Александр.

Одна из наших юристов ушла в декрет, и её папки переехали ко мне на стол. Переехали, естественно, молча и без моего согласия.

Одно из дел касалось страховки погибших сотрудников гуманитарной миссии. Страховая была в США, бумаги — на разных языках, процесс — муторный, но почти завершённый.

Мне нужно было встретиться с наследницей и обсудить детали.

Дарья Сергеевна Тихомирова. Восемнадцать лет.

В этом возрасте девочки обычно выбирают платье на Новый год, ругаются с подругами, влюбляются в каких-нибудь сопливых придурков и страдают из-за ерунды.

А Дарья Сергеевна сидела в юридической фирме и разбиралась со страховой выплатой за погибших родителей.

Жизнь, как всегда, умела быть оригинальной мерзавкой.

Я вышел в приёмную и увидел её.

Небольшая, худенькая, в светло-голубой кофте. Тёмно-русые волосы — густые, длинные, почти до пояса — были собраны в низкий хвост. Несколько прядей выбились у лица.

Лицо — мягкое, юное, светлое. Без этой московской отточенности, когда каждая черта заранее согласована с косметологом и фотографом.

Сидела, вцепившись в папку обеими руками.

Слишком юная для такой папки.

Я посмотрел в её серо-голубые глаза и понял, что пропал.

— Дарья Сергеевна? — спросил я.

— Да.

Протянул руку для приветствия. Она коснулась моей ладони — и меня вдруг прошило каким-то совершенно идиотским током.

Никогда в жизни не верил в эту романтическую хрень: «любовь с первого взгляда», «искра», «бабочки в животе», «родственные души» и прочие сказки для людей с дефицитом здравого смысла.

Считал, что всё это придумали дебилы и нежные барышни, которым нравится красиво страдать.

А нет, надо же. Люди, похоже, не вдали.

Прекрасно, Бархатов. Дожил. Девушка пришла обсуждать документы по погибшим родителям, а ты стоишь и переживаешь любовный припадок.

Потом она заметила шрамы.

Обычно при первой встрече со мной у людей появляется особое выражение лица: они уже всё заметили, но отчаянно пытаются сделать вид, что ничего не заметили, и теперь не знают, куда деть глаза.

Я уже приготовился к этой обязательной программе.

Но она не отвела глаза. Смотрела прямо, без испуга, жалости и старательного разглядывания стены за моим плечом. Так, будто шрамы были не уродством, а просто частью меня.

И вот тут стало совсем плохо.

Потому что я вдруг подумал: а если она сможет? Сможет не испугаться, не пожалеть, не отвернуться. А увидеть меня. Настоящего. Под всем этим великолепным фасадом из шрамов, ожогов, сарказма и дурного характера.

Придурок. Я знал её меньше минуты, а уже успел мысленно устроить себе надежду, страх и гражданскую панихиду по здравому смыслу.

В кабинете я открыл дело и начал говорить о страховой выплате, запросах, переводах, сроках.

Говорил ровно, спокойно, профессионально. В общем, изображал человека, у которого в голове юридический процесс, а не серо-голубые глаза.

Продолжал говорить о документах, а сам всё сильнее понимал: передо мной сидит не просто клиентка.

Передо мной сидела девушка, которая пережила ад и почему-то всё ещё не стала камнем.

Нежная — и при этом странно сильная.

Я смотрел на неё и впервые за долгое время хотел не взять, не победить, не доказать. Захотел стать достойным. Достойным её.

Вот это уже было по-настоящему страшно.

Потому что влюбиться — ладно. Переживём. Наверное.

Но захотеть, чтобы тебя полюбили в ответ, — это уже роскошь для совсем отчаянных идиотов.

А я, видимо, именно им и оказался.

Отлично, Бархатов. Поздравляю. Кажется, ты влюбился.

С первого взгляда.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Герои

Александр Владимирович Бархатов
27 лет

Бывший мажор-циник, которому жизнь испортила лицо, перевернула мировоззрение, но оставила главное — человечность.

Дарья Сергеевна Тихомирова
18 лет

Нежная девушка, у которой жизнь слишком рано отняла почти всё, но не смогла забрать главное — её мягкость, доброту и способность любить.

Глава 5. Позывной — Барс

Ноябрь 2015 года

На окраине села стоял сарай. Глиняные стены, щели в досках, сухая земля вместо пола. Внутри пахло спёртым воздухом и старой соломой.

В сарае находились двое.

У одной стены сидел мужчина, поджав под себя левую ногу. Ему было около тридцати пяти. Светлые волосы, прямые жёсткие черты лица — в каждом штрихе чувствовалась внутренняя сталь.

Позывной — Барс. И этот позывной удивительно ему подходил. В нём была та самая спокойная пластика сильного зверя, который может лежать неподвижно часами, а потом сорваться за долю секунды.

Глаза у Барса были серые, глубокие, пронизывающие. Его взгляд был такой, будто он не просто смотрел, а считывал всё вокруг: людей, страх, ложь, слабые места и возможные выходы.

Барс внимательно рассматривал другого, лежащего у противоположной стены, — парня лет двадцати пяти.

Александр Бархатов. Позывной ему дать ещё не успели.

Молодой, красивый, холёный. Даже избитый и грязный, он всё равно выглядел человеком из сытой московской жизни.

В нём читалась порода: хорошая стрижка, правильные черты лица, ухоженные руки с длинными пальцами, аккуратные ногти.

Новая форма смотрелась на нём чужой, будто ещё недавно он был в дорогом костюме, а потом его наспех переодели в военного. Теперь форма была грязной, порванной и пропитанной кровью.

Барс таких видел редко, но узнавал быстро: породистый мажор, выросший на больших деньгах и в полном отрыве от реальности.

Лицо разбито, губа рассечена, под глазом тёмный синяк.

Дышал он тяжело, будто даже воздух приходилось втягивать через боль.

Александр пошевелился. Сначала едва заметно. Потом болезненно вздохнул и открыл глаза.

Я пришёл в себя в каком-то сарае и попытался подняться. Зря. Болело всё. Включая чувство собственного величия.

Где я вообще?

— Ты в плену, — прозвучал чей-то голос.

Потрясающе. Сознание вернулось, а вместе с ним — реальность, от которой хотелось сразу уйти обратно в отключку.

Огляделся. Напротив меня сидел какой-то мужик в форме и изучал меня взглядом.

— Лучше не дёргайся, — сказал он. — Избили тебя, конечно, знатно. Колено разбито, плечо повреждено. Остальное по мелочи, не в счёт.

Он помолчал.

— В общем, у тебя «ушиб всей бабушки». Выглядишь хреново, но жить будешь.

Отличная новость. Очень своевременная.

А то я уже начал переживать, что Вселенная устала издеваться и взяла перерыв.

Минут через десять дверь открылась, и в сарай вошли двое с автоматами. Один из них поставил на пол поднос: две кружки воды и две миски с какой-то едой.

Сероглазый молча взял одну миску и принялся есть с аппетитом карапуза, которому выдали манную кашу в детском садике.

Вторую пришлось взять мне. Содержимое выглядело так, будто его уже кто-то ел, потом пожалел об этом и вернул обратно в миску.

Зачерпнул ложку, попробовал. Гадость. Редкая.

Но инстинкт выживания и пустой желудок настойчиво умоляли меня съесть эту... эту... не знаю, как это вообще называется.

Да уж, ещё недавно я ел в лучших ресторанах Москвы.

Я усмехнулся. Кажется, сероглазый это заметил.

— Это точно! — сказал он.

— Что?

— Ну... это точно. Ещё вчера ты ел в лучших ресторанах, а сегодня — эту баланду.

И заржал.

Я завис на секунду. Сероглазый пояснил:

— Просто у тебя на морде написано, что ты мажор. Вот ты и усмехнулся, когда понял, как быстро жизнь сменила тебе меню.

Охренеть.

Да кто это вообще такой?

— Я Барс. Разведка.

— Ты что, мысли мои читаешь?

— О-о-о, нет. Сомневаюсь, что там есть что-нибудь интересное.

Он зачерпнул ещё ложку.

— Так что не льсти себе. Ты просто очень предсказуемый, — произнёс он с ленивой насмешкой.

А я даже не сразу нашёлся, что ответить. Вообще-то со мной такое случалось редко. Обычно язык у меня работал быстрее головы. Иногда вообще без участия головы. А тут молчали оба: и язык, и голова.

Я снова уставился в эту серую массу. Нет. Не осилю.

Но я честно попытался. Съел не больше половины, получил моральную травму и понял, что на сегодня с меня хватит.

Мужик с позывным из зоопарка это заметил и протянул руку.

— Не будешь? Давай сюда.

Я подвинул ему миску.

— На, держи. Говна не жалко.

Он спокойно взял мою порцию и начал уплетать с такой довольной рожей, будто ему выдали ужин от шеф-повара.

Я посмотрел на него с лёгким ужасом. Пока я страдал над двумя ложками, этот, как его там, Барс, спокойно закрывал вопрос питания.

Да уж. Он явно создан для выживания, и эволюция определённо была на его стороне.

— Ну что, мажор, — сказал он, не отрываясь от миски. — Давай, рассказывай, как ты докатился до такой жизни.

— В смысле?

— В прямом! Очень интересно послушать, как ты достал собственного отца.

О, Боже! Откуда он знает? Неужели на мне и правда всё написано крупным шрифтом? Очень неприятно и даже как-то обидно. Я отвернулся к стене. За спиной послышался смешок.

— Да ладно тебе. Неизвестно, сколько нам здесь сидеть. А молчать — удовольствие для людей с богатым внутренним миром. А у тебя, подозреваю, с этим напряжёнка.

Хотелось послать его. Вот честно. Но сидеть в тишине и действительно было невыносимо. К тому же молчать рядом с человеком, который уже и так прочитал тебя как дешёвую брошюрку, было глупо.

— Ладно, — сказал я. — Всегда мечтал дать интервью. Правда, представлял себе обстановку чуть подороже, а аудиторию чуть побольше и посolidнее.

Глава 6. Мажор

Я родился с золотой ложкой во рту и золотым градусником в жопе.

Моя мать погибла, когда мне было семь лет. Банальное ДТП.

Отец ушёл в себя.

Пил и трудоголил. Днём он был на работе, а по вечерам закрывался в кабинете, пил и разговаривал с её портретом.

Наверное, он тоже страдал. Не знаю. Мы с ним такие вещи не обсуждали. В нашей семье вообще не принято говорить о чувствах.

Видел я его редко. По сути, я остался один в огромном доме. Хотя формально один я, конечно, не был. Вокруг меня крутилась целая гвардия: няни, охрана, прислуга, какие-то гувернантки с выражением лица типа «ваш ребёнок снова ведёт себя как маленький мудак».

Отец начал таскать ко мне психологов. Они несли мне что-то вроде: что я ни в чём не виноват, что злиться — нормально, что горе нужно прожить, что мама хотела бы видеть меня счастливым.

Спасибо! Очень не помогло.

Моя мать в могиле, отец бухает и ночует на работе, а какой-то мужик в сером костюмчике объясняет мне, что надо «принять свои чувства». И я принимал. Обычно — швыряя в стену то, что попадалось под руку.

Через пять лет отец снова женился.

Женщина, если честно, нормальная. Без дешёвых попыток сыграть мне новую мамочку. В общем, делала всё правильно.

Но я возненавидел её за сам факт существования. За то, что мать умерла. За то, что она заняла место рядом с отцом. За то, что он снова был счастлив.

Вот и вся моя справедливая, охренительно зрелая причина.

У неё была дочь. Шесть лет, светлые бантики и большие глаза. Отец принял её сразу. Со мной он говорил редко, зато этой девочке улыбался, гладил по голове, интересовался её жизнью.

Прелесть какая. Прямо семейная идиллия.

Её я тоже возненавидел с первого взгляда.

В детстве я издевался над ней как мог. Троллил, цеплялся, унижал, придумывал прозвища, доводил до слёз.

Отец злился, её мать пыталась говорить со мной спокойно, сводная сестра плакала, а я делал вид, что вообще не понимаю, в чём проблема.

А когда у них родились ещё двое детей — погодки, мальчик и девочка, — то «тут Остапа понесло» окончательно и бесповоротно.

Единственной моей отдушиной был мой лучший друг Кирилл. Наши отцы дружили ещё со школы.

Мы с Кириллом учились в одной элитной школе, где, разумеется, были элитными учениками. Девчонки бегали за нами толпами, мальчишки пытались примкнуть к нашей свите. Слабых же мы нещадно травили, а учителя делали вид, что держат ситуацию под контролем.

Родители Кирилла постоянно скандалили, то разводились, то сходились, пока окончательно не разбежались. И у них обоих появились новые семьи и дети. Кир жил то у отца, то у матери и, по сути, везде был лишним. В принципе, как и я.

В общем, у нас было всё, кроме одной мелочи — любви.

— Ах, какие несчастные, бедненькие детишки, — перебил меня Барс.

— Ага, только не бедненькие. Мы очень рано поняли, что отсутствие любви отлично компенсируется деньгами, наглостью и привычкой получать всё, что захочешь.

После школы я поступил в институт на юридический.

К тому времени я так достал отца, его семью, охрану, прислугу и даже мебель в доме, что отец выделил мне одну из своих квартир.

Типа взрослый сын должен жить отдельно. На самом деле он просто спасал остатки своей нервной системы.

Учился я, кстати, очень даже неплохо. От отца мне достались хорошие мозги. Хотя... дело было не только в этом. Отец финансировал все мои хотелки только при условии, что я хорошо учусь.

Когда я ещё учился в магистратуре, отец устроил меня к себе на работу. Моей главной обязанностью было вникать в дела отца и учиться быть им. Работа непыльная, хоть и скучная.

В общем, всё было отлично. Мы с Кириллом были королями вечеринок. Красивые рожи, накачанные бицепсы, пресс кубиками, денег как грязи и вечный праздник жизни.

Кирилл, конечно, думал, что номер один — он. Я с ним не спорил. Зачем портить человеку красивую иллюзию? Номером один, разумеется, был я.

— Ну и, конечно же, рано или поздно ты допрыгался, — предположил Барс.

— Да.

Буквально несколько дней назад мы, как обычно, куражились. Я, моя Лерка и Кир с какой-то своей очередной подружкой гоняли по Москве на моём Bentley с музыкой на всю катушку.

Затем был ресторан, где, собственно, мы и начали пить. Дальше забурились в ночной клуб. После клуба поехали в подпольное казино, где спустили до хрена денег.

Потом случилась драка. Не помню с кем и из-за чего, но битва была зачётная.

Под утро мы завалились ко мне. Пили дальше, несли какую-то гениальную хрень, смеялись. Кир с подругой ушли ближе к рассвету.

Проснулся я от того, что в дверь назойливо звонили. Я кое-как поднялся, открыл дверь.

О-о-о, нет. Отец... День сразу заиграл новыми красками. В основном чёрными.

Он вошёл без приглашения. Впрочем, квартира была его, а я здесь просто красиво жил за его счёт. Он молча, по-хозяйски, прошёл по гостиной: бутылки, грязные бокалы, запах травки.

Потом отец заглянул в спальню. Лерка ещё лежала в постели и, увидев его, испуганно натянула на себя простыню.

Отец посмотрел на неё, потом на меня.

— Шлюху свою убери отсюда.

Я закатил глаза и пошёл на кухню.

Жутко хотелось пить.

Отец пошёл следом.

— Ты совсем охренел? — спросил он.

И по его интонации я понял: всё, приехали. Нравоучений сегодня не избежать.

— Сегодня утром ко мне приходила полиция, — начал отец.

— О-о-о! Ваше святое высокоблагородие изволило накосячить?

— Нет, — сердито ответил он. — Это по твою душу! Ты же у меня прописан.

— И что?

— Вчера была массовая драка. Трое в больнице. Камеры зафиксировали тебя и твоих друзей.

— Ну и?

Отец резко выдохнул и провёл рукой по лицу.

— Мне опять тебя отмазывать? Как долго я ещё буду подчищать за тобой дерьмо? — закричал он.

— А тебе трудно, что ли? — ответил я очень спокойно.

Я открыл холодильник. Отец продолжал.

— За последние три года ты разбил две машины! Пять приводов в полицию за хулиганство! Разнёс вип-зал в клубе, затопил квартиру этажом ниже после очередной вечеринки, сорвал мне встречу с партнёрами, устроил скандал на закрытом приёме! Я постоянно вынужден урегулировать последствия твоих выходов и оплачивать штрафы, ремонты, адвокатов, компенсации!

Отец почему-то называл это проблемами. Я предпочитал термин «активная молодость».

— Ну и что? Обеднел, что ли?

Я открыл пиво и сделал несколько больших глотков.

Холодненькое отлично легло на старые дрожжи, и меня сразу снова повело.

Рыгнул. Смачно.

У отца дёрнулась скула, лицо покраснело, и его начало трясти.

Ну всё, достал.

— На работу приходишь прямо из клуба. Помятый. В чём попало.

— В чём попало? Это Агтапи, между прочим.

— Ты ведёшь себя как свинья, — продолжал орать отец. — Секретарш лапаешь, на совещаниях зеваешь, документы не читаешь. И вообще, когда ты последний раз был на работе? Тебе двадцать пять, Саша! Слышишь? Двадцать пять! Ты когда наконец возьмёшься за ум?

— Ой, ну началось.

— Началось? — Он ударил ладонью по столешнице. — Мне стыдно за тебя, понял? Стыдно.

Вот тут надо было заткнуться и изобразить раскаяние. Минимум усилий — максимум пользы. Но я так не умею.

— Ну не повезло тебе с наследником, бывает.

Гениально, Бархатов. Просто вершина дипломатии.

— Наследником? — Отец зло усмехнулся. — Да как я могу доверить тебе своё наследство? Ты же его просрёшь!

Спорить было лень. А вот довести его до бешенства почему-то очень хотелось.

— Не-е-е, не просру. Я его прое...у (использую крайне нерационально). Буквально... На шлюх спущу.

Отец резко подошёл и вlepил мне пощёчину.

— Ты чудовище, — сказал он.

Гнев в его глазах за секунду сменился разочарованием.

Он ушёл.

На кухню заглянула Лерка.

— О, Лерусь, поехали пожрём, что ли. Уже обед. И машину от ресторана заберём. До ресторана добрались на такси, поели. Нам принесли счёт, но оплата не прошла. Странно!

Я открыл приложение банка. На карте — пятьсот рублей. Пятьсот!!!

Значит, вчера я прокутил почти пол-ляма. Да уж, эпичная вышла гулянка.

А ещё это значило, что нужно ехать на поклон к отцу.

— Лер, добавь, — сказал я. — Верну потом.

Судя по её лицу, я предложил ей продать почку.

— Саш, это вообще кринж. С чего это я должна платить?

— Просто добавь, пожалуйста. Верну тебе.

Мы расплатились, забрали мою машину и поехали обратно ко мне.

Голова болела с похмелья, губа разбита, на скуле синяк, на костяшках — ссадины после вчерашней драки.

Что там отец говорил? Трое пострадавших?

Фа-а-ак!!! Я как юрист быстро понял, что дело пахнет керосином.

Кир умел вовремя подмазаться к своему отцу, изобразить сердобольный взгляд кота из «Шрека» и ловко повернуть всё так, будто он просто стоял рядом и случайно дышал воздухом.

В общем, по «манипуляциям и отмазкам» у Кира всегда была твёрдая пятёрка.

А я? А я, как идиот, всегда лез на рожон. Желательно с разбега, с матом и под камерами.

Заметил, что Лерка сидит обиженная.

— Лерусь, ну ладно тебе, не переживай, — сказал я. — Сегодня закину тебе денег.

Она резко повернулась ко мне.

— Да не в деньгах дело, Саша.

О-о-ой, ну вот. Началось.

— А в чём?

— Твой отец назвал меня шлюхой. Шлюхой! А ты даже не заступился. — Голос у неё дрогнул.

Я устало выдохнул. Господи, мне б её проблемы...

— Лер, мне сейчас вообще не до этого.

— А мне до этого! Мы встречаемся почти полгода, а ты меня до сих пор не познакомил со своей семьёй!

— Послушай, мы с тобой классно проводим время. При чём тут семья?

Она посмотрела на меня так, будто я только что лично разрушил институт брака.

— То есть ты на мне жениться не собираешься?

Жениться? Вот ещё!

— Я вообще жениться не собираюсь.

Лерка фыркнула.

— И зачем я тогда трачу на тебя время? Лучше бы с Игорьком начала встречаться.

Вот тут меня перекосило. Голова трещит, на карте ноль, уголовка где-то маячит на горизонте, а она жужжит, как муха над покойником. Вот прям самое время планировать брак. Ещё и Игорька какого-то приплела.

Я резко притормозил у тротуара, перегнулся через неё и открыл пассажирскую дверь.

— Ну и вали к Игорьку!

Она уставилась на меня.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Передавай ему мои соболезнования.

Лерка вылетела из машины и хлопнула дверью так, что у меня в виске отозвалось.

— Ты, ты... чудовище! — крикнула она.

Я рванул с места.

Отлично. Сегодня я уже второй раз побывал чудовищем. День, можно сказать, продуктивный.

Глава 7. Изгнание

Домой я ехал злой и с одной мыслью: нужно как-то мириться с отцом.

Но, похоже, отец уже всё решил за меня.

Дверь в квартиру была открыта, а в проёме торчал какой-то мастер и менял замок.

Я вошёл внутрь. В квартире работал клининг. На кухне какая-то тётка оттирала полы, в гостиной гудел пылесос, ещё две складывали мои вещи в коробки. Интересно... девки пляшут.

Похоже, квартиру отмывали от меня. Причём основательно.

В коридоре стоял здоровенный мужлан с лицом кирпича и эмоциональным диапазоном табуретки.

Я его сразу узнал — один из людей личной охраны отца.

— Что здесь происходит? — растерянно спросил я.

Он даже бровью не повёл.

— Александр Владимирович, всё происходит по распоряжению вашего отца. Ваши вещи будут отвезены на склад временного хранения. Адрес пришлю сообщением.

Потом охранник отца протянул руку.

— Александр Владимирович, ключи от машины, пожалуйста.

Вот тут остатки самообладания красиво пошли на хер. Я достал ключи от моей любимой машины и швырнул ему в грудь. Тот поймал их спокойно, даже не моргнул.

Сука, профессионал.

— Ваш отец ждёт вас в офисе, — сказал он. — Все вопросы можете задать ему лично.

Я развернулся и пошёл к лифту. И тут я вспомнил, что машины нет и денег на такси тоже. Пришлось возвращаться к охраннику.

— Эй, ты, слышь, не помню, как там тебя. Дай денег на такси.

Это днище, конечно. Наследный принц просит денег у опричника короля.

Опричник с тем же каменным лицом достал портмоне и протянул мне купюру.

— Вот. Держите. На метро.

Я уставился на купюру.

— Метро?

Последний раз в метро я был... Никогда.

Но выбора не было. Пришлось разбираться в схемах и турникетах. Наследный принц официально вышел в народ. Народ, правда, об этом не просил.

Его величество встретил меня в кабинете своего дорогущего офиса.

Вообще мой отец занимается тем, что управляет собственными активами: покупает и продаёт компании, объединяет одни, дробит другие, заходит в новые проекты и вовремя выходит из старых.

В данном случае активом, видимо, был я. Проблемным и убыточным активом.

Похоже, он уже остыл. Сидел за столом с тем невозмутимым выражением лица, с каким обычно крутил своими миллионами и объяснял людям, почему они только что проиграли.

— Садись, Саша.

Я сел.

— Итак, — начал он ровно. — С сегодняшнего дня я лишаю тебя всего.

Я промолчал, хотя внутри всё съёжилось.

— Всего: квартиры, машины, наследства, содержания и работы. Ты уволен. С этого момента ты начинаешь оплачивать свою жизнь сам.

Отец не пугал. Он действительно закрыл лавочку.

— Далее. Вчерашняя драка. Камеры есть. Свидетели есть. Троим пострадавшим причинён вред здоровью средней тяжести. Плюс хулиганство. И самое неприятное, Саша, всё это группой лиц, то есть сотягчающими. Ты и сам прекрасно знаешь, что тебе и твоим друзьям грозит реальный срок.

Отец откинулся на спинку кресла.

— И я в последний раз прикрою твою жопу.

Вот теперь стало интересно.

— Пойдём на мировую. Пострадавшим выплатят компенсацию. Большую. Гораздо больше, чем они получили бы через суд. Заявления заберут, шум погасим. Но это последний раз, Саша.

— Но-о-о...? — спросил я, потому что после таких предложений обязательно шло НО.

— Но... Ты отправишься в Сирию. В зону боевых действий.

Вот это поворот!!!

— Куда? В Сирию? В зону боевых действий?

Мой шок в шоке.

— Да, послужишь немного Родине.

Охренеть!

— Я не понял, у нас что? Война с Сирией?

Отец закатил глаза.

— Ты вообще новости смотришь? Знаешь, что в мире происходит?

Нет, конечно. Оно мне надо?

Отец будто не заметил моей растерянности и продолжил.

— Пока всё не уляжется, тебе лучше покинуть страну. Ты закончил юридический, магистратуру, военную кафедру. Поработаешь в Сирии военным юристом. Я обо всём договорился.

— Военным юристом?

— Да. Будешь фиксировать военные преступления ИГИЛ против мирного населения.

— Что? ИГИЛ...? А это вообще кто? — спросил я и окончательно понял, что перестал понимать происходящее.

Отец посмотрел на меня как на идиота и протянул бумаги.

— Подписывай контракт. Или выгребай сам.

Отец всегда умел давать выбор без выбора. И всегда заранее знал результат. Он уже договорился. И бумажки вон у него уже готовы.

Первый вариант — самому разбираться с уголовкой без денег и без отцовской защиты. Второй — Сирия.

Выбор, конечно, роскошный.

— Значит, Сирия, — сказал я.

Отец кивнул. Я подписал.

— Да-а-а... — протянул Барс. — Вечная проблема отцов и детей. Смотрю, отца ты недолюбливаешь. И злишь явно специально. Но и он не прав.

— В чём же?

— Сначала разбаловал деньгами. А потом слишком поздно спохватился. Но теперь ты уже мудака-переросток. Исправлению вряд ли подлежишь.

— Ну отлично! Спасибо за семейную консультацию, доктор, — парировал я.

Барс улыбнулся.

— Валяй дальше.

А дальше всё завертелось слишком быстро.

Рано утром я прилетел в Сирию на военно-транспортном самолёте.

Вокруг двигались люди в форме, гудела техника, кто-то переговаривался по рации. Все были при деле. Один я стоял с сумкой и видом человека, которого случайно занесло не на тот рейс.

Меня провели в штаб. Представили начальнику юридической группы — сухому полковнику Клименко. Тот принял меня без восторга.

— Бархатов? Военный юрист? — спросил он, глядя в документы.

— Так точно.

— Будете работать с фиксацией преступлений боевиков против мирного населения. Свидетели, фото, видео, справки, передача по линии командования. Поняли?

Я кивнул. Но понял я только то, что ничего не понял.

До обеда я пытался вникнуть в местные порядки. Получалось средне.

После обеда меня снова вызвали. Полковник стоял у карты.

— Недалеко отсюда сирийские части зачистили населённый пункт. Боевики ушли. Нужно выехать с группой, осмотреть место, зафиксировать последствия.

Мы вошли в село после зачистки.

Разбитые дома. Крики. Какая-то женщина сидела на земле и плакала так, будто из неё вытащили всё живое.

Потом я увидел тело. Вернее, то, что от него осталось.

Мужчина лежал у стены, весь в крови, пыли и обрывках собственной одежды. Рука была оторвана полностью и лежала рядом так буднично, будто её просто туда положили. Его лицо застыло в перекошенной гримасе, глаза были открыты, рот — распахнут в крике.

Меня вырвало прямо там, у полуразрушенной стены. Организм первым понял, что московский мажор к реальности не готов, и решил высказаться за меня.

И тут я заметил ещё одно тело. Маленькое. Детское.

Меня снова скрутило и вырвало второй раз.

Вся моя жизнь — клубы, рестораны, драки, машины, бабки, понты — вдруг стала очень жалкой.

Там, в Москве, я считал катастрофой пустую карту и отобранную машину. Здесь же люди теряли всё. Не деньги и тачки, а детей, дом и собственную жизнь.

Шок был такой силы, что мозг тупо отказывался принимать происходящее. Будто я смотрел не на реальность, а на какую-то жуткую ошибку мира. На картинку, которая не должна существовать. Не может существовать.

Я стоял и ждал, что сейчас всё исчезнет. Что кто-нибудь выключит этот кошмар и вернёт меня обратно в Москву — в мой безопасный мир, где все проблемы можно было решить деньгами, связями или одним звонком отцу. Но ничего не исчезало.

И я оставался посреди всего этого ада — беспомощный и совершенно охреневший.

Через несколько минут впереди раздался взрыв. Пыль взлетела стеной. Кто-то закричал.

Стрельба. Команды. Чужая речь.

Рация захрипела так, будто тоже решила сдохнуть от ужаса.

Я обернулся — и не успел понять вообще ничего.

Удар в спину. Земля под лицом.

Меня подняли чьи-то руки. Грубо и резко, как мешок с дерьмом. Передо мной стояли бородатые люди с оружием и чёрными тряпками, намотанными на головы.

И вот тогда я и увидел, кто такой ИГИЛ.

Похоже, жизнь решила, что теоретическая часть мне ни к чему, и сразу провела практическое занятие. Очень познавательно.

Потом меня били, пока я не перестал дёргаться. Связали руки, закинули в пикап и повезли неизвестно куда.

И только тогда до меня дошло: самое страшное только начинается.

А теперь я сижу здесь, в этом вонючем сарае.

Вот в принципе и всё.

Вот так я докатился до такой жизни.

Барс выдержал паузу и подытожил:

— То есть ты умудрился попасть в плен в первый же день? Ну, молодец, что тут скажешь!

И ведь не поспоришь, зараза. Я скривился.

— Спасибо. Я старался.

Барс коротко хохотнул.

— Да уж... Тяжело тебе здесь придётся, мажор.

— Издеваешься?

— Нет, — сказал он спокойно. — Просто ты наивно полагаешь, что это худший день в твоей жизни. Но, боюсь, что ты сильно ошибаешься.

Глава 8. Пять дней

В плену мы провели долгих пять дней.

Моё состояние было, мягко говоря, паршивым. Я был подавлен, разбит и впервые не знал, что делать. Раньше я всегда мог наорать, заплатить или позвонить отцу. Здесь не работало ничего.

Тогда же я впервые узнал, что такое голод. Не московское «я сегодня не завтракал», а настоящий голод, когда баланда в миске кажется самой вкусной едой на планете. Я уже не выпендривался, уплетал эту серую хрень за обе щёки и, если честно, не отказался бы от добавки.

Но хуже голода была жажда. Воды давали мало, и мы растягивали её как могли: по глотку, по капле. За стакан воды я тогда отдал бы что угодно. Правда, отдавать мне было нечего.

Барс же был вполне бодр и весел, словно находился в своей естественной среде обитания.

Каждый день он отжимался, разминался, делал какие-то упражнения, чтобы поддерживать форму.

Я на такое был не способен. Я способен поддерживать форму только в дорогом спорт-клубе, с кондиционером, лимонной водичкой и личным тренером.

Мы много разговаривали. Барс оказался очень интересным собеседником. Казалось, он знал всё обо всём.

Ещё на второй день нас вытащили на допрос. Допрос вёлся на ломаном английском.

Сказать мне было нечего, и поэтому меня в очередной раз просто избили.

И вот тут выяснилась ещё одна прекрасная правда обо мне: боль я не переношу вообще.

Совсем. До ужаса. Я мог строить из себя кого угодно — наглого, смелого, бессмертного, — но стоило боли стать настоящей, как весь мой пафос стекал куда-то в пыль.

Барса тоже били. Он молчал или отвечал коротко.

А когда они переходили между собой на арабский, делал вид, что не понимает ни слова. Хотя арабский он прекрасно знал.

После допроса нас снова вернули в сарай. Я сполз по стене на пол.

— Что делать будем?

Барс усмехнулся разбитой губой.

— Будем сидеть красиво.

— Мой отец может заплатить выкуп, — сказал я. — Любые деньги. Серьёзно. Вообще любые.

— Сашка, твой отец тебе здесь не поможет. Забудь. Здесь твоя фамилия и деньги стоят примерно столько же, сколько грязь на полу.

— Но почему?

— Потому что они не торгуют пленными. ИГИЛ неплохо финансируется и такими сделками не живёт.

Он сделал паузу.

— Для них ты абсолютно бесполезен, — сказал Барс. — Информации у тебя никакой нет. Твоя жизнь здесь не стоит ничего.

Моя самооценка только что получила местную рыночную оценку. Ноль. Без торга.

И это было обидно. Раньше я почему-то думал, что из всех миллиардов человеческих жизней самая ценная — моя.

— Можно подумать, твоя жизнь какую-то ценность представляет, — огрызнулся я.

Барс посмотрел на меня спокойно.

— Представляет. Я гораздо более ценный кадр, чем ты, мажор. Только они об этом не знают. Сказал им, что я обычный рядовой.

Барс помолчал.

— За мою голову назначена очень высокая награда. И если они узнают, кто я на самом деле, то мне конец. Сначала меня будут жестоко пытаться. И если я расколуюсь — погибнет много людей. Поэтому я не расколуюсь. И тогда меня убьют... с особой жестокостью.

— И кто же ты на самом деле? — спросил я удивлённо.

— Тебе этого знать не нужно.

Гораздо позже я узнал, что Барс был майором военной разведки. У него по всему Ближнему Востоку были информаторы. А за информацию в его голове любая разведка мира продала бы мать родную. ЦРУ, МІБ, Моссад, ИГИЛ — да кто угодно. Барс был не просто разведчиком. Он был просто Гудини военной разведки.

Да уж... А вот от моих слов, как и от меня самого, точно ничья жизнь не зависела. Для моей гордыньки, конечно, удар ниже пояса.

Но, если честно, это очень даже хорошо, что я ничего не знаю.

Я побои-то тяжело переносу, а пытки не перенёс бы точно.

И нужно честно признаться, что если бы меня пытали, то я бы выложил всё сразу, с подробностями и, наверное, ещё поблагодарил за внимание. Сдал бы всех, даже если это кому-то стоило жизни.

Вот такой я, как выяснилось, слабый мудака. Герой.

На пятый день нас вывели из сарая.

Боевики о чём-то спорили, потом, видимо, приняли решение. Нас связали и загрузили в пикап.

— Что происходит? — шёпотом спросил я Барса.

— Сейчас нас вывезут в пустыню и расстреляют, — сказал он таким будничным голосом, будто сообщил, что нас везут на прогулку.

У меня внутри всё рухнуло. Барс покосился на меня.

— Что-то ты побледнел, мажор. Что? Не готов ко встрече с Господом Богом?

Я сглотнул.

Вот вообще не готов!

— Можно подумать, ты готов.

Барс пожал плечами.

— Я? Я всегда готов.

Нас везли в открытом кузове пикапа. Водитель и ещё один сидели в кабине. С нами сзади — один боевик для охраны.

Я лежал на металлическом полу, связанный, и смотрел в пустоту. Вот это и есть тот самый худший день в моей жизни, о котором говорил Барс.

Накаркал, гад.

Всё! Вот теперь точно всё!

Мне было страшно так, как не было никогда в жизни. Вообще, раньше я думал, что ничего не боюсь, что страх — это не про меня. Но на самом деле оказалось: просто раньше мне нечего было бояться.

К страху примешивались жгучая злость, отчаяние и какая-то позорная детская обида. Как у ребёнка, который привык, что стоит закатить истерику — и взрослые тут же всё исправят. Только сейчас никто ничего исправлять не собирался.

Мир не суетился вокруг меня, не извинялся и не предлагал компенсацию за неудобства.

Меня везли в пустыню убивать, а внутри всё равно билась идиотская мысль: какого хрена именно я?

Почему я?

Как будто смерть должна была посмотреть на мою фамилию, смутиться, извиниться и выбрать кого-нибудь попроще.

Но смерть, похоже, не разбирается в статусах, связях и деньгах. Ей абсолютно плевать на то, что я очень недоволен.

И это бесило так же сильно, как и пугало.

По факту я оказался тепличным растением, которое всю жизнь поливали деньгами и отцовским терпением. За пределами папиной оранжереи растение погибало. Причём очень быстро.

В моём некрологе напишут: «Без папочки продержался ровно пять дней». Позор позорный.

Я представил лицо отца, когда ему доложат, что я погиб, а его великий педагогический эксперимент провалился. Макаренко хренов!

Интересно, он сильно расстроится? Или выдохнет с облегчением, что проблема под названием «сын» наконец решилась сама собой?

И вот они — итоги моей двадцатипятилетней жизни.

Родился, покуражил, потратил кучу денег. Не принёс в этот мир ничего, кроме разрушения и разочарования.

Ну и ладно, зато хоть весело было.

А потом сдох где-то в сирийской пустыне от рук бородатых фанатиков. За то, что был бесполезен. Для них. Для своих. Для этого мира в целом.

И тело моё, конечно, никто никогда не найдёт. Сгину где-нибудь в песке, без могилы, без таблички, без пафосных речей. Да и сомневаюсь, что кто-то вообще вспомнит меня добрым словом.

Потрясающий финал для такой «грандиозной» личности, как я.

Но если бы и была надгробная речь, то типа такая: шуму много, пользы — ноль. Для себя жил отлично, для мира — зря.

А мир, сука, оказался таким же деловым, как отец: не приносишь пользы — и тебя выбрасывают в небытие.

Без объяснений, без жалости и без второго шанса.

Глава 9. Второй шанс

А дальше всё произошло очень быстро.

В какой-то момент руки Барса чудесным образом оказались свободными.

Потом он резко подался вперёд и одним ударом вырубил боевика, который сидел с нами в кузове.

Барс забрал у него нож, разрезал верёвки на моих руках, потом быстро срезал шнурки на берцах боевика, стянул с него берцы и прихватил фляжку с водой.

Я сидел и тупо на всё это смотрел.

Ну, прям фокусник!

В этот момент пикап сбавил скорость на повороте.

Барс схватил меня за шкирку и просто выкинул из кузова на обочину.

Я ударился о землю. Следом сиганул Барс. Через секунду он оказался рядом, схватил меня и потащил вниз с дороги. Мы отползли за обочину и забились в неглубокую ложбину между камнями.

Вскоре пикап вернулся. Проехал туда, потом обратно. Но нас не заметили.

Сидели там, не высываясь, до вечера.

А когда вышли звёзды, Барс посмотрел на небо, на линию горизонта и показал рукой в темноту.

— Нам туда.

И только тогда я понял, почему в плену нас держали босыми. И зачем Барс стянул с боевика берцы. Я посмотрел под ноги: камни, колючки, сухая, жёсткая земля. Босиком идти было невозможно.

На двоих у нас была одна пара берцев. Моя нога была больше, чем у Барса, поэтому он натянул их на себя. Но даже ему они немного жали.

Можно было, конечно, обмотать ступни тряпками. Только одежды на нас было по минимуму. Да и ночью в пустыне было очень холодно. Кроме того, с разбитым коленом идти нормально я всё равно не мог.

Барс молча присел ко мне спиной.

— Залезай.

Я забрался ему на спину, Барс поднялся и пошёл.

Потрясающе. Мой внутренний аристократ требовал эвакуацию вертолётom, реальность же выдала майора разведки в режиме носильщика.

Барс, надо признать, оказался транспортом надёжным, быстрым и максимально унизительным для моего самолюбия.

Он двигался ровно и уверенно. Мышцы работали как механизм.

Я смущённо попытался что-то спросить.

— Не спрашивай меня ни о чём, — бросил Барс. — Мне дышалку сбивать не надо. Хотя можешь трюндеть как радио на фоне. А ещё лучше, фильм какой-нибудь расскажи. А то я в кино последний раз был в прошлом столетии.

— О, это я легко! Значит так... Мужика забыли на Марсе. Все улетели, он остался. Вокруг красный песок, жрать нечего, техника барахлит, связи почти нет, помощи ждать долго. Зато у него есть картошка! И, чтобы выжить, он начинает выращивать картошку. Говорят, белорусы были в таком восторге, что после этого признали его национальным героем...

Ночь. Яркое звёздное небо. Еду по сирийской пустыне на майоре разведки, чувствуя себя самым бесполезным грузом в истории российских войск.

Если бы мне неделю назад кто-то такое рассказал, я бы посоветовал ему меньше пить. Как быстро, оказывается, может измениться жизнь.

На рассвете мой ночной кинотеатр под открытым небом наконец закрылся.

Аккурат после последнего сезона «Во все тяжкие» мы вышли к какому-то селу. Барс сказал, что оно под нашими.

Он куда-то ушёл, вскоре вернулся и коротко сказал:

— За нами приедут.

Через какое-то время появилась машина. Нас подобрали и доставили на базу.

На базе мы сразу направились в штаб доложить генералу.

Генерал оказался невысоким лысоватым мужиком с круглым лицом, тяжёлым взглядом, небольшим пузиком и таким видом, будто он лично придумал войну и армию.

Генерал презрительно посмотрел на меня. Потом перевёл взгляд на Барса и заорал на него так, что задрожали стены.

— О-о-о, явился! Не запылелся? Ты что творишь, падла?! Какого хрена так долго? Пять дней, Барс! Пять грёбанных дней! Отдохнуть решил, сука? Ты там что, развлекался или культурную программу проходил?

Я остоленел. Оказывается, у нашей армии есть ещё одно оружие массового поражения — начальственный крик.

А генерал орал всё сильнее.

— Меня Москва третий день за яйца дёргает. Операция «Зной» начинается! Ты — центровой! Решил мне операцию сорвать своим героическим отсутствием?! Ты, скотина, хоть понимаешь, что без тебя вся операция раком встала?! А ты в это время устраиваешь себе отпуск у бородатых? Сволочь! Быстро приводи себя в порядок и возвращайся!

— Есть! — Барс с невозмутимым видом козырнул и вышел.

Я смотрел на генерала и вообще не понимал, что происходит.

Честно говоря, я думал, что за такое дают медаль. Ну там, за побег из плена, спасение бесполезного мажора, героизм и всё такое.

В крайнем случае — ему орден, а мне хотя бы грамоту.

Но, похоже, в местной системе награждений главным призом было: «иди служи дальше и не беси начальство».

Генерал заметил мой ошарашенный взгляд.

— А ты чего глаза вытаращил? Ты здесь новенький, ничего не понимаешь. Это же Барс!

Я молчал.

— Что обычному человеку смерть, то Барсу лёгкая прогулка, — продолжал орать генерал, только теперь на меня. — Вот что вы там, в плену делали? А? Сидели, лясы точили? Ну, подумаешь, раз в день побили. В остальное время прохлаждались!

Потрясающе. Оказывается, я пять дней отдыхал. Просто курорт был специфический: без моря, еды и гарантий выживания.

Генерал посмотрел на меня и побагровел.

— И вообще, это всё из-за тебя! — Он больно ткнул меня пальцем в грудь.

— И... и... из-за меня? — переспросил я дрожащим голосом.

— Да. Из-за тебя! Барса в плен не так просто взять, тем более этим недоумкам. И мне доложили, что Барс особо не сопротивлялся, когда вас брали. Ковалёв видел: он почти добровольно сдался.

Меня будто холодом изнутри обдало. А генерал сорвался на крик:

— Он за тобой пошёл, за придурком! Наверно, понял, что один ты там сдохнешь за пять минут, сопляк недоделанный.

Я не нашёлся, что ответить.

— И Барс мог хоть в тот же день побег устроить. Но бежать с тобой, выкидышем беспомощным, видимо, смог только через пять дней.

Я тупо моргал. А генерал уже почти хрипел, но продолжал орать.

— Пошѐ-о-ол вон!!! Пизд...й (извольте пройти) на место службы.

Как ошпаренный, я выскочил из штаба и бежал, напрочь забыв про колено.

Нашѐл своего полковника Клименко. Он удивлѐнно посмотрел на меня.

— О, Бархатов! Живой что ль? — Он хотя бы не орал и по сравнению с генералом выглядел сущим ангелом.

— Ага!

— Давай, иди к врачу загляни, а то выглядишь как из мясорубки. Поешь и в порядок себя приведи. И форму пусть новую дадут, а то эту ты уже успел засрать. На всё про всё три часа. Выполняй!

Офигеть! Я-то рассчитывал, что после плена нам с Барсом хотя бы недельку дадут побалдеть в госпитале. Ну там: капельницы, белые простыни, сексуальные медсѐстры, моральная реабилитация пострадавших героев.

Ага, щас.

Я пошѐл приводить себя в порядок.

Но из головы не выходила одна мысль.

Что это вообще за человек такой? Он пошѐл в плен из-за меня. Добровольно. Причѐм не знал, чем всё закончится. Терпел побои, голод, жажду, тащил всю ночь меня на себе через пустыню.

Хотя нет... Скорее всего, у него с самого начала было всё чѐтко просчитано, и он просто разыграл всё как по нотам.

Может, конечно, у него и правда развлечения такие. У всех свои хобби.

Но одну вещь я понял чѐтко: никто из моих московских дружков не сделал бы для меня ничего подобного. Никто бы не рисковал собой. Никто бы не пошѐл за мной в ад.

Да что уж там. Я и сам ради них на такое не был способен. Бросил бы при первой возможности, спасая только свою шкуру.

А ведь Барс, между прочим, меня даже не знал.

Или? У меня мелькнула мысль: а не мой ли отец приставил ко мне Барса, чтобы за мной приглядывать?

Нет, не похоже. Такой человек, как Барс, ни за что бы не вписался быть нянькой у такого беспомощного мажора, как я. Не его уровень.

Да и за что? За деньги? Нет. Как я уже успел понять, в системе ценностей Барса деньги находились на самом последнем месте.

Вернее, не так. В системе ценностей Барса деньги отсутствовали.

Нет. Он спас меня исключительно из чувства жалости.

Похоже, мне просто очень сильно фартануло.

Всѐ-таки мир иногда даёт второй шанс. Ура!

За какие-то несколько дней я успел увидеть смерть, плен, голод, собственную никчѐмность и человека, который оказался лучше всех, кого я знал в прежней жизни.

И это была всего лишь моя первая неделя службы в Сирии.

В Сирии я прослужил почти два года. В отпуск не ездил, хотя возможность была. Не хотел. Хотел доказать отцу, что он меня не сломал.

Я очень сдружился с Барсом. За эти два года он сильно изменил моѐ мировоззрение. Все мои прежние представления о жизни перевернулись.

Не сразу. Но окончательно.

Глава 10. Дорога на Пальмиру

Июль 2017 года.

Дорога на Пальмиру тонула в солнце, пыли и дыму.

Горели военные машины. Пламя пожирало броню, резину, ящики с боеприпасами, снаряжение — всё, до чего могло дотянуться. В воздухе стоял тяжёлый запах гари, раскалённого металла и пороха.

Вокруг кричали люди. Кто-то отдавал команды. Кто-то пытался вытащить раненых из машин.

Чуть в стороне, у перевернутого бронетранспортёра, сидел молодой офицер, Александр Бархатов, позывной Бархан.

Он сидел на земле и удивлённо смотрел на свою левую кисть так, словно она принадлежала кому-то другому. Осколок срезал мизинец и безымянный палец.

Другой удар пришёлся и по лицу. Ото лба к нижней части щеки уходил глубокий порез — страшный, неровный, уже забитый пылью и кровью.

Огонь и осколки заделали плечо, левую руку, бедро и левую ногу — всё, что осталось без защиты каски и бронежилета.

Ниже колена левая нога была разбита. Берёз съехал набок, ступня смотрела под неправильным, невозможным углом.

Он был контужен. Звуки доходили глухо, будто сквозь толщу воды: крики, команды, треск огня, чужие шаги. В ушах стоял высокий звон, перекрывая всё остальное.

Боли почти не было — только оглушающая пустота и странное, тупое удивление.

Земля под ним начала уходить в сторону. Звуки стали ещё дальше, свет — мутнее. Он попытался удержаться за сознание, но сил уже не было.

И темнота сомкнулась.

Мы ехали на базу. Нас было пятеро. Тряслись в бронетранспортёре, матерились на жару, подкалывали друг друга, смеялись. Всё как обычно.

Грек скоро должен был улетать в отпуск и последние несколько дней считал уже не дни — часы.

— Скоро я улетаю, а вы и дальше будете здесь плавиться, — довольно сообщил Грек.

— Мы тебе чемодан потеряем.

— Грек, а ты жену предупредил?

— Конечно.

— Зря. Теперь у неё есть время сбежать.

— Завидуйте молча. — Грек показал нам средний палец. — Я хотя бы месяц проживу без ваших рож.

— Сочувствуем тебе, Грек.

— Это ещё почему?

— Тебя жена полгода не видела. Думаешь, выживешь?

— А ты за кого переживаешь — за меня или за неё? — поинтересовался Грек.

— За тебя, конечно. За полгода супружеский долг с процентами набежал. Как рассчитаться будешь, бедный Грек?

— А я, Грек, за жену твою переживаю. Полгода спокойно жила — и тут ты на месяц припёрся.

— Да пошли вы, — засмеялся Грек. — За себя переживайте. Через месяц вернусь счастливый и буду бесить вас в два раза сильнее.

— Хвастаться потом будешь. А пока силы береги, тебе ещё долг отрабатывать.
Мы заржали.

А потом произошёл взрыв.
Я даже не сразу понял, что случилось.
Ещё секунду назад бронетранспортёр шёл по дороге. В следующую — всё вокруг дёрнулось, перевернулось и исчезло в грохоте.

Когда я снова начал что-то соображать, уже сидел на земле и смотрел на левую руку, не понимая, почему она выглядит так странно.

Очнулся я уже в госпитале. Боль пришла не волной — ударом. Лицо слева будто стянули грубой проволокой. Плечо горело.

Я лежал и смотрел в потолок. Думал не о боли. За два года в Сирии я к ней привык. Боль — дело простое, с ней хотя бы понятно, куда деваться: терпеть, колоть обезболивающее, молчать.

По-настоящему больно было от другого.

Они погибли. Все четверо.

Как там у классика? Страшно не то, что человек смертен, а то, что он внезапно смертен. Раньше казалось — красивая умная фраза. Теперь я знал, что она означает.

И вот это было очень больно. До невозможности.

Четырёх людей, с которыми я ещё недавно смеялся и разговаривал, просто больше не было. И с этим ничего нельзя было сделать. И принять это я не мог.

Но самым паршивым оказалось другое: во мне одновременно жили два чувства, которые, казалось, вообще не должны были существовать рядом.

Я испытывал радость, что я выжил.

И при этом — вину за то, что я выжил.

Почему они?

Почему не я?

Чем я лучше?

И ответов на всё это у меня не было.

В палату вошёл врач. Ничего нового он мне не сказал. Я понял это ещё там, на дороге. Осколочные ранения. Ожоги. Контузия. Часть кисти потеряна безвозвратно. Левую ступню, возможно, придётся ампутировать.

Лицо уже не будет прежним. Рука — тоже. Нога, похоже, решила присоединиться к общему бунту.

Вскоре пришёл Барс, мой друг.

У кровати он задержался ненадолго, спокойно оценивая весь масштаб бедствия. Ни жалости, ни этого мерзкого сочувственного выражения, от которого сразу хочется послать человека куда подальше.

Потом придвинул стул и устроился рядом.

— Ну что, Бархан, — спросил он, — тот орган, которым ты привык думать, цел?

— Вроде цел, — прохрипел я.

— Уже хорошо.

Барс наклонился вперёд.

— Ничего, Бархан. Всё к лучшему.

Вот этой фразы я от него точно не ожидал. Я скривился.

— Барс, только не начинай вот эту хрень из американских фильмов. Ага. «Всё будет хорошо, я тебе обещаю», «ты справишься», «всё наладится». А то меня вырвет.

Вместо утешений последовало:

— Ты не понял. Всё к лучшему, потому что теперь у тебя всё честно. Денег у тебя нет. Смазливой рожи теперь тоже нет. Остаётся брать душой.

— Плохие новости, Барс. Душонка у меня тоже так себе.

На это он уже рассмеялся.

— Э-э-то да... Ну, ничего. Значит, до старости будешь пугать людей своей шикарной харизмой.

— Очень сомнительно...

— Да ладно тебе, Сашка. Красавцем быть скучно. А вот страшным, злым и умным — это прям отличный стиль.

Я тоже засмеялся, хотя от этого сразу потянуло швы.

— Ты сам подумай, — продолжил он. — Раньше ты был просто мерзким мажором с красивой мордой и папиными деньгами. Таких в Москве как грязи. А у тебя теперь редкий типаж: потрёпанный жизнью циник с перспективами внутреннего роста.

Захотелось ответить что-нибудь ядовитое, но Барс меня опередил.

— И, если тебя когда-нибудь полюбит женщина, будешь точно знать: она полюбит именно тебя — такого, какой ты есть на самом деле. В общем, шанс отличный, Бархан. Не профукай.

Смеяться было больно. Барс ещё сказал что-то грубое, почти заботливое — в своём репертуаре, — потом похлопал меня по здоровому плечу и поднялся.

— Давай, Бархан. Не раскисай.

Дверь за ним закрылась.

А мне теперь предстояло разбираться, как жить с тем, что от меня осталось.

Глава 11. Дальше — сам

Со службы меня, понятное дело, списали. Дальше был перелёт в Москву, где меня, к моему удивлению, увезли не в обычный госпиталь, а в одну из лучших клиник.

Видимо, отец подсутился. Почти два года назад он отправил меня в Сирию на перевоспитание, а теперь я лежал в дорогой палате под капельницей и весь его педагогический эксперимент почему-то выглядел не так убедительно.

Хотя... Сирия действительно меня очень изменила. Вот только рожу жалко — она воспитательный процесс так и не пережила.

Отец пришёл ближе к вечеру. Шаги у него всегда были уверенные, тяжёлые. Казалось, даже больничный коридор должен был расступиться перед ним из уважения.

Он подошёл к кровати и сел рядом. За последние два года он почти не изменился.

Его взгляд задержался на моём лице чуть дольше, чем нужно.

Да, к новой версии меня ещё надо было привыкнуть.

В его глазах стояла странная смесь страха, растерянности, сожаления и вины.

Я думал, мне станет приятно увидеть его виноватым.

Не стало. Стало тошно. Потому что за его виноватым взглядом сразу полезло всё остальное: моя злость, моя обида, мой идиотский детский голод по отцу.

— Ну что, отец, — хрипло сказал я, — чудовище наконец-то приобрело правильные формы?

Он отвёл глаза. Попал.

Хотелось уколоть его больнее. И одновременно хотелось, чтобы он не уходил.

Прекрасно. Внутренний ребёнок требовал отца, внутренний бунтарь — продолжать войну. Оба, как обычно, мешали жить.

Мы помолчали.

— Как ты, сынок? — спросил отец.

— Да всё хорошо, отец, — ответил я.

Прозвучало глупо.

Кажется, он хотел продолжить разговор, но не нашёл слов. Просто сидел рядом, неуверенный, почти беспомощный, и это было страннее всего.

Наконец поднялся.

— Я завтра зайду.

— Хорошо.

Он ушёл, а я остался лежать, пытаюсь разобраться в собственных чувствах. Злость никуда не делась. Обида тоже. Но вместе с ними осталось ещё кое-что мерзкое и упрямое: облегчение. Он всё-таки пришёл.

Дальше были лечение, операции, перевязки, обезболивающие, процедуры, консультации.

И, конечно, врачи с такими умными лицами, будто обсуждали не меня, а дорогой автомобиль после аварии: кузов ведёт, детали утеряны, внешний вид спорный, но на ходу будет.

Я, конечно, был рад. Особенно части про «на ходу». Ногу удалось не только спасти, но и восстановить.

С лицом тоже работали. Пластические хирурги делали всё, что могли, и я даже не спорю — могли они много.

Но исходник им достался после творческого вмешательства войны, а война, как известно, дизайнер так себе.

Шрамы и следы от ожогов полностью убрать всё же им не удалось.

Через три месяца меня наконец выписали из клиники. Впереди ещё была реабилитация, процедуры и долгая работа со шрамами, но держать меня в палате больше не имело смысла.

На выходе из клиники меня ждала машина и тот самый огромный охранник отца, который когда-то забрал у меня прежнюю жизнь и взамен выдал сотку на метро.

Надо же. Снова он.

Видимо, у нашей семейной драмы был постоянный технический персонал.

Мы поехали к отцу в его огромный загородный особняк.

Отец встретил меня без лишних эмоций:

— Пойдём в кабинет, — сказал он.

Мы сели за стол друг против друга.

— Я сделал всё, что мог, Саша, чтобы восстановить тебя, — сказал он.

Спасибо, отец. Реставрация прошла не очень успешно, но экспонат снова пригоден к эксплуатации.

— Но своих решений я не изменю. Дальше ты сам. Единственное, чем могу сейчас помочь, — дать работу. Устрою тебя в одну из своих фирм. В «Линию права». Фирма серьёзная, хлебная. Ты это знаешь.

Я знал. «Линия права» сопровождала компании отца: сделки, слияния, разделы активов, корпоративные войны. Плюс физлица и юрлица: корпоративка, семейные дела, разводы и даже уголовка — полный набор человеческих проблем в дорогой юридической упаковке.

Деньги там крутились такие, что слово «хлебная» звучало скромно. Там был целый хлебобулочный комбинат.

— Поработаешь юристом, — продолжил он. — Освоишься. Потом возьмёшь отдельное направление. Будешь стараться — станешь замом генерального директора Сафронова.

Я молчал.

— Проявишь себя хорошо — переведу Сафронова на другое направление. А компанию полностью передам тебе в собственность.

Вот теперь стало интересно. Отец не просто давал работу. Он ставил передо мной лестницу и приманку одновременно: работай, докажи, заслужи.

Очень по-отцовски.

— Деньги на первое время я тебе дам, — сказал он. — А дальше посмотрим.

Идти мне было некуда. От прежнего меня остались шрамы и дурной характер. Бегать по собеседованиям и, как говорил Барс, «пугать людей своей шикарной харизмой» не было ни сил, ни желания.

— Хорошо, — сказал я. — Я согласен. Только денег не надо. В Сирии мне платили неплохие деньги, а тратить их было некуда.

Отец кивнул, будто закрыл удачную сделку.

Наверное, так оно и было.

Я уже собирался уходить, когда он сказал:

— Останься на ужин. Все дома. Тебя ждут.

Тебя ждут. Очень смешно.

Меня в этом доме ждали примерно так же, как налоговую проверку: вроде надо принять, но радости мало.

— Не уверен, что это хорошая идея, — сказал я.

— Останься, Саша. — Отец помедлил. — Пожалуйста.

И я согласился. Не знаю зачем.

Видимо, последствия контузии всё-таки были серьёзнее, чем писали в выписке.

Глава 12. Семья отца

Мы вышли из кабинета и направились к столовой.

Семья отца, как и всё в этом доме, выглядела безупречно. Как семья из рекламы майонеза: большой стол, красивая жена, воспитанные дети, салат в хрустальной миске, все улыбаются, и где-то за кадром обязательно звучит голос: «Когда вся семья вместе...»

Самое интересное заключалось в том, что у них это было не наигранно. Они правда были такими.

Жаль, в моём детстве эту серию почему-то не показали.

Жена отца — Ирина — яркая женщина с живыми глазами и такой энергией, будто в этом доме именно она отвечала за всё человеческое: смех, разговоры, тепло, нормальные эмоции и прочие вещи, с которыми у Бархатовых по мужской линии исторически была напряжёнка.

Отец вообще был человеком холодным, собранным и дорогим, как банковский сейф. А Ирина будто знала к нему код: рядом с ней мой отец становился чуть менее похожим на памятник самому себе, в нём появлялись свет, воздух и признаки жизни.

Удивительное зрелище.

Ирина поздоровалась со мной ровно. Без фальшивой радости, без дешёвого спектакля про блудного сына. И за это я был ей благодарен.

За столом сидели мои младшие брат и сестра.

Брату, Артёму, было четырнадцать. Внешне он был чем-то похож на меня. Только без той ранней злости, которая когда-то торчала из меня во все стороны, как арматура из разбитой стены.

Он разглядывал меня с нескрываемым любопытством, но без наглости. Нормальный пацан.

Похоже, отец внимательно изучил провальный проект под названием «воспитание старшего сына», выявил слабые места, учёл ошибки и со вторым сыном решил их не повторять. Или это была заслуга Ирины. А может, и то и другое.

Сестра Аня сидела рядом с матерью и смотрела на меня осторожно. Светловолосая, тоненькая, с аккуратно заплетёнными косичками. Она рассматривала мои шрамы, потом быстро отводила взгляд, будто её поймали на чём-то неприличном.

Арина тоже была там. Моя сводная сестра. Довольно симпатичная, с мягкой улыбкой и каким-то светлым лицом.

Кстати, все дети в этой образцовой семейной композиции начинались на букву «А»: Александр, Арина, Артём, Аня.

Полёт фантазии, конечно, грандиозный. Видимо, на букве «А» семейный креатив достиг потолка и решил дальше не напрягаться.

Я посмотрел на Арину и вдруг подумал: какого хрена я вообще к ней цеплялся?

Ответ оказался простым. Я ревновал, злился и бил по тому, кто не мог ударить в ответ.

Позже, когда мы на пару минут остались одни, я всё-таки сказал:

— Ариш, слушай... ты прости меня.

— За что?

— За детство. За то, что издевался над тобой и вёл себя как законченный придурок.

Арина улыбнулась — осторожно, будто всё ещё ждала подвоха.

— Да ладно, Саш. Я давно на тебя не обижаюсь. Мой психолог объяснила мне, что дело было не во мне. А в тебе.

— Да уж. Так и есть, — сказал я. — Редкий случай, когда психолог не соврал.

Арина рассмеялась и даже обняла меня. И от этого мне стало легче.

И там был Кирилл Воронцов. Мой лучший друг детства, главный соучастник всех моих прежних подвигов.

Пока я торчал в Сирии и пытался изображать из себя героя, Кирилл успел жениться. На Арине. На моей сводной сестре.

Да, жизнь иногда преподносит сюрпризы.

Наши отцы, конечно, были в восторге, старинные друзья наконец-то породнились.

Аринка была хорошей, слишком хорошей для таких, как мы с Кириллом.

Проблем в жизни она почти не знала. Ну, кроме меня в детстве.

Ей казалось, что подонки, мерзавцы, похотливые ублюдки, корыстные лицемеры и прочая нечисть существуют только в фильмах ужасов. А в реальном мире живут только светлоликие эльфы, такие же, как и она сама.

В общем, она мерила людей по себе. А это, как известно, самый быстрый способ получить по башке от реальности.

Арина была влюблена в Кирилла ещё с подросткового возраста и видела в нём только красивого, умного, обаятельного парня с отличным чувством юмора.

Да... какими же наивными иногда бывают хорошие девочки.

Она, похоже, искренне верила, что после ЗАГСа их с Кириллом подхватило стадо розовых единорогов и теперь уверенно несёт прямиком в счастливую семейную даль.

Я бы тоже хотел в это верить. Но я знал Воронцова слишком хорошо.

Самовлюблённый нарцисс, который любое чувство переводил в личную выгоду. Для него люди были либо выгодными, либо лишними.

Когда отец лишил меня наследства и отправил в Сирию, для Кирилла я сразу перешёл в разряд «лишних». За два года он ни разу не позвонил, а за три месяца в клинике ни разу не появился.

Очень трогательная, почти братская преданность.

В общем, Воронцов вообще редко делал что-то просто так. А Аринка была для него идеальным вариантом: хорошая семья, поддержка наших отцов и удобная лестница туда, где пахнет деньгами, связями и властью.

Не скажу, что Кирилл женился на Арине исключительно по расчёту.

Думаю, он даже любил её — насколько Воронцов вообще был способен любить кого-то, кроме себя.

Но будь Аринка обычной девчонкой без фамилии Бархатова, очень сомневаюсь, что дело дошло бы до ЗАГСа.

Конечно, со стороны они выглядели счастливыми. Арина светила рядом с ним, а Воронцов улыбался так убедительно, что ему можно было вручать премию за вклад в семейные ценности.

Но я не сомневался: рано или поздно он облажается. Обязательно облажается.

Впрочем, семейный ужин прошёл хорошо.

Мы вели светскую беседу: общие знакомые, новости, браки, разводы, деньги, чужие успехи и чужие провалы — стандартный набор.

Приходилось кивать, изображать интерес и постепенно вспоминать, как вообще разговаривают люди, когда рядом никто не стреляет.

Я, конечно, чувствовал себя не в своей тарелке, но решил не сопротивляться адаптации.

Глава 13. Потерянный сын

После ужина все разошлись. Только отец и сын остались вдвоём в гостиной. Они сидели в глубоких кожаных креслах у камина с бокалами виски.

Отец заговорил первым.

— Саша, останься в доме. Тебе не нужно снимать квартиру. Это твой дом тоже. Мы семья.

— Это вряд ли, — усмехнулся сын.

Отец уже хотел что-то возразить, но Александр поставил бокал на столик и поднял ладонь.

— Знаешь, отец, в Сирии я встретил одного человека. Позывной Барс.

— Барс?

— Да. Он людей читает как книги. Потрясающий психолог. Однажды он сказал мне: «Ты ведь не просто злобный испорченный мажор, Бархан. Весь твой праздник непослушания — это ненависть к отцу». И потом он меня спросил: «За что ты ему мстишь?»

Отец заметно напрягся, но слушал внимательно.

— И я ответил сразу, — сказал Александр. — Даже не подумал. Просто вылетело: «За то, что он виноват в смерти моей матери».

Внутри отца натянулась тонкая, опасная струна.

— Барс спросил: «Почему он виноват?» А я не нашёлся, что ответить. Представляешь? всю жизнь был уверен, что ты виноват в её смерти. А почему — объяснить не смог.

Александр откинулся на спинку кресла и посмотрел в огонь.

— Я ведь почти ничего не помнил о маме. Всё как будто вырезали. Но в Сирии у меня было много времени подумать. Слишком много. Там вообще плохо с развлечениями, если не считать философских бесед с одним разведчиком.

Отец очень сильно напрягся, но не перебивал.

— И однажды я вспомнил. Да, вспомнил. В тот день вы очень сильно ругались. Я сидел на лестнице. Наверху. В темноте. Я дрожал от страха и ревел в рукав, чтобы вы не слышали.

Александр сделал короткую паузу.

— Вы ругались из-за того, что ты ей изменил. Мама кричала, что не простит тебя. Требовала развода. Ты хватал её за руки, говорил, что любишь и никакого развода никогда не дашь.

Теперь он посмотрел отцу прямо в глаза.

— Так скажи мне, отец. Кто была эта богиня, на которую ты променял мою мать?

Отец побледнел. Он медленно поставил бокал на столик, но дрожащие пальцы не сразу отпустили стекло.

— У меня никогда не было любовницы, — сказал он глухо.

Сын смотрел на него неподвижно.

— Я всегда любил твою мать. Всегда. То, что случилось... это не было романом. После переговоров мы отмечали крупную сделку. Много выпили. Кто-то вызвал девушек. Дорогих моделей. Тогда это считалось почти нормой в таких кругах.

— И мама узнала?

— Да.

— Понятно, — отрезал сын и отвёл взгляд к огню.

Александр провёл большим пальцем по краю бокала и продолжил.

— Ей было так больно, что она не могла оставаться с тобой в одном доме. Она плакала, кричала, задыхалась от этой боли.

— Саша...

Александр повысил голос:

— Ты видел, в каком она состоянии. Видел, что она не просто злится. Что её трясёт. Что она почти не понимает, куда идёт и что делает. Но ты её не остановил.

Отец словно окаменел.

— Ты отпустил её, — закричал Александр. — Она выскочила из дома, села за руль и уехала в ночь. Не справилась с управлением и разбилась.

А потом сказал уже тише:

— Вот за это я тебя ненавижу и мстил, отец. За то, что ты её предал. За то, что разбил ей сердце. За то, что видел, как она уходит в полной темноте, и не удержал.

В глазах Александра стояли слёзы. В глазах отца — тоже. Они оба впервые увидели, что, оказывается, умеют плакать.

Отца начало мелко трясло. Он резко выдохнул, провёл ладонью по лицу и заговорил хрипло, сбивчиво, почти жалко:

— Саша... я не хотел. Правда. Я её любил. Это была ошибка. Глупость. Пьянство. Слабость. Я сам себя за это ненавижу. Я пытался всё исправить, но она не слушала, не давала подойти... я...

Но Александр перебил его:

— Знаешь, отец, в Сирии я научился называть вещи своими именами. Очень помогает разобраться, где правда, а где удобная ложь. Попробуй как-нибудь.

Он чуть наклонил голову.

— Поэтому давай честно. Ты её предал. Всё остальное — детали, которыми люди обычно прикрывают собственную мерзость.

По лицу Бархатова-старшего покатались крупные слёзы. Он не стал их вытирать. Сидел неподвижно и впервые, кажется, не знал, что делать: с собой, с сыном, с прошлым, которое вдруг перестало молчать.

— Но тогда ты потерял не только жену, — продолжил Александр, — но и меня. Ты сделал вид, что ничего не произошло. Молчал. Не говорил со мной. Ни разу не спросил, что я чувствую. Ты только спрашивал: «Сколько?»

Слова сына будто выбили из Бархатова-старшего весь воздух, а сын продолжал:

— И ты решил: если не говорить о маме, её смерть исчезнет. Если не говорить о боли, то она сама пройдёт. Если завалить меня деньгами и всем, что я захочу, то я буду счастливым. Но ты ошибся. Не помогло.

Отец слушал, опустив взгляд.

— Я не знаю, испытывал ли ты боль и вину. Наверное, да. Не думаю, что ты совсем уж бесчувственный.

Перед Александром сидел поседевший мужчина с серым лицом, дрожащими руками и глазами, в которых не осталось ни власти, ни уверенности. Только вина. Тяжёлая и бесполезная.

— Испытывал, — сказал глухо отец. — Я страдал, Саша. Я казнил себя сам. Годами. Самый страшный палач — это чувство вины. Оно живёт с тобой, ест изнутри и каждый день напоминает: всё главное ты разрушил собственными руками.

— Прости меня, сынок, — тяжело произнёс отец.

— Да, отец, — ответил сын. — Я понимаю, что должен простить и отпустить. Ради себя. Чтобы перестать жить с этой болью. И я в процессе. Но пока, если честно, получается хреново.

Тот будто ухватился за эти слова. Не простил. Не сейчас. Но «в процессе» всё-таки значило, что надежда есть.

— Саша...

— Ладно, отец. Мне пора.

Александр поднялся и пошёл к выходу.

Отец вскочил следом. И в этом движении было сразу всё: желание остановить, обнять, вернуть, упасть перед сыном на колени, вымолить хоть что-нибудь — прощение, жалость, шанс.

— Саша, подожди...

Александр остановился у двери и обернулся. Взгляд у него был холодный. Усталый. Взрослый.

— Отец, — сказал он тихо, — свою первую семью ты предал. А взамен получил пьяную дешёвую ночь, которая не стоила ничего. Неудачная сделка, отец. Редкий случай для тебя.

Отец вздрогнул всем телом, будто в него попала пуля.

— Не сделай то же самое со второй, — продолжил сын. — Береги их. Они у тебя хорошие. Правда. Думаю, ты их не заслуживаешь.

Сын вышел, а отец медленно опустился обратно в кресло.

Из его груди вырвался тяжёлый, сорванный звук — не сдержанный, не мужской, не достойный.

Просто человеческий.

И впервые за много лет он заплакал так, как плачут люди, когда понимают: прошлое нельзя изменить и исправить, мёртвых не вернуть, не сказанные вовремя слова уже никогда не сказать и есть ошибки, за которые уже невозможно расплатиться.

В комнату вошла Ирина. Села на подлокотник кресла и обняла мужа за плечи. Он поднял на жену глаза.

— Ты всё слышала, да?

— Да, — тихо ответила Ирина. — Я была в зимнем саду. Оттуда всё слышно. Это правда?

Владимир сглотнул.

— К сожалению, да. Ты меня презираешь?

— Нет.

— Осуждаешь? — спросил он с горечью.

— Конечно, осуждаю, — сказала она спокойно. — Ты поступил как сволочь, Володя. Но я вижу, что тебе больно. И вижу, что ты раскаиваешься.

— Саша всё понял, — произнёс Владимир глухо. — Понял гораздо больше, чем я сам. И он во всём прав. Во всём. Особенно в том, что я вас не заслуживаю.

Утешать мужа, услышав такое, Ирине было трудно. Владимир же продолжил дрожащим голосом:

— Когда-то я назвал его чудовищем, но настоящее чудовище — это я. Это я предал его мать. Потом хотел отгородить его от боли. Я дал ему всё. Кроме самого нужного — моей любви и внимания. И вышло так, что я собственными руками вырастил из него избалованного, злого мальчишку, а потом отправил его в Сирию перевоспитывать мои же ошибки.

Голос у него сорвался.

— Ты сама видишь, каким он вернулся. Ладно хоть живой. Господи, Ира, ладно хоть живой! А я теперь не понимаю, как исправлять то, что сам с ним сделал.

Владимир сделал паузу, чтобы немного успокоиться.

— Он не считает этот дом своим. Не считает нас своей семьёй. Я и моя семья — отдельно. А он — отдельно.

Он устало покачал головой.

— Я потерял его. Потерял уже давно. И вряд ли уже когда-нибудь обрету снова.

В глазах Ирины блеснули слёзы.

— Тебе, Володя, нужно заново стать ему отцом. Чаше приглашай его. Звони. Разговаривай. Не дави, но будь рядом.

Владимир медленно опустил голову ей на колени, будто в нём, наконец, сломалась последняя внутренняя опора.

Ирина провела ладонью по его волосам.

А он лежал так, закрыв глаза. Внутри были только боль, растерянность и страшное понимание: за деньги можно купить всё, кроме самого главного: любви, доверия и прощения.

Глава 14. Старый мир

Осень 2017. Москва.

Привыкать к новой жизни было тяжело.

В Сирии я понял одну простую вещь: человеку для жизни нужно гораздо меньше, чем он привык о себе думать.

Раньше мне для жизни требовались квартира, машина, дорогие часы, брендовая одежда и ощущение собственной важности.

Но теперь я понимал, что всё это — дешёвые понты и лишний вес в багаже.

Оказалось, жить можно гораздо проще.

Офицеры в Сирии жили не в казарме, а в отдельных комнатах. Многие пытались хоть как-то обустроиться, чтобы комната напоминала дом.

Барс в число таких людей не входил. Он был аскетом и минималистом до мозга костей.

Когда я впервые увидел его комнату, подумал: у мужика, похоже, аллергия на уют. Причём тяжёлой формы.

Его комната выглядела так, будто он не жил там, а временно разрешил стенам находиться рядом с собой. Кровать у стены, минимум вещей, никакого барахла.

Постепенно я тоже подсел на этот аскетизм. Сначала казалось странным, потом — удобным.

Меньше барахла — меньше иллюзий, что ты вообще контролируешь хоть что-то в этой жизни.

После клиники я снял маленькую студию. Купил матрас и бросил его у стены.

Даже кровать покупать не стал. Зачем? Матрас выполнял основную функцию — на нём можно было спать. Для начала более чем достаточно.

Но тяжелее всего в новой жизни давались тишина и одиночество.

Видеть никого не хотелось. А наедине с собой было просто невыносимо. В собственной голове я был настолько паршивым соседом, что уже через десять минут хотелось вызвать охрану и выставить себя за дверь.

Короче, люди бесили, а без людей становилось ещё хуже.

Вот такая вот гармония.

В какой-то момент отец пригласил меня на светский приём.

И поскольку последствия контузии всё ещё никуда не делись, то я согласился.

Приём проходил в каком-то дорогом зале с хрустальными люстрами, белыми скатертями и шампанским на подносах. Всё как положено.

Женщины — в роскошных платьях, украшениях и с лицами, над которыми явно трудились не только родители, но и косметологи, хирурги и вера в вечную молодость.

Мужчины — в дорогих костюмах и с улыбками людей, которые говорят «рад видеть» даже тем, кого с удовольствием закопали бы под ближайшим бизнес-проектом.

Я остановился у колонны с бокалом и невольно услышал разговор двух дам.

— Посмотри на Инесску, — сказала одна, склонившись к другой. — Она, похоже, опять пластику сделала.

— Да уж, — фыркнула вторая. — Рожу-то как перекосило. Она что, нормального хирурга найти не могла?

— Видимо, скидка была, — добавила первая, прикрывая улыбку бокалом.

Обе сдержанно рассмеялись.

И ровно через секунду к ним подошла та самая Инесса.

Дамы преобразились мгновенно. Так быстро, что я даже восхитился.

Вот что значит профессионализм!

— Инессочка! — Первая раскрыла объятия. — Как ты прекрасно выглядишь!

— Просто невероятно, — подхватила вторая. — Свежая, отдохнувшая. В чём секрет? Колись немедленно.

— Девочки, не поверите, — тоже расплылась в улыбке Инесса. — Детский крем! Просто творит чудеса!

Все трое рассмеялись. Лёгкий, звенящий, идеально отрепетированный смех.

Мне стало очень неприятно, и я прошёл дальше, к столику с шампанским. Там стояли две другие дамы.

— Ой, смотри, смотри, — сказала одна. — Валерий Павлович с новой пассией.

И указала на мужчину лет пятидесяти, который вошёл в зал с молодой девушкой под руку.

— Да вижу, — ответила вторая. — Господи, ну и вкус у него. Курица курицей. И что он в ней нашёл?

— Молодость, очевидно. Старый пердун, а туда же.

Девушка, кстати, была обычная. Молодая, растерянная, слишком старательно улыбающаяся.

— Смотри, смотри. — Первая дама прищурилась. — Какое шикарное кольцо у неё на пальце.

— Ого, — протянула вторая. — Не поскупился. Хотя явно переплатил.

Они засмеялись.

А потом Валерий Павлович вместе со своей девушкой подошёл прямо к ним. Дамы мгновенно растянули губы в улыбках. Просто потрясающе!

— Дамы, познакомьтесь, — сказал Валерий Павлович с довольным видом. — Это моя Елизавета.

— Ой. Какая милая девушка! — тут же пропела первая.

— Просто прелесть, — подхватила вторая. — Вы так прекрасно смотрите вместе.

— Такая гармоничная пара.

— Валерий Павлович, мы так рады за вас. Наконец-то вы обрели своё счастье!

Елизавета смущённо улыбнулась, Валерий Павлович расплылся от удовольствия, а меня перекосило.

Короче, лицемерие стояло в воздухе таким плотным слоем, что его, кажется, можно было намазывать на канапе.

В какой-то момент отец подозвал меня к себе, и я оказался в компании дорогих мужиков. Многих из них я знал и раньше.

Мужчины в этом обществе, кстати, были ничуть не лучше женщин. Так же сплетничали, так же обсуждали друг друга за глаза, только делали это с виски в руках и уверенностью, что весь мир стоит в очереди за их мнением.

Это был клуб успешных самцов, которые забрались на вершину эволюции и теперь отчаянно пытались доказать, чья вершина выше.

Они «мерились пистолетами». Не буквально, конечно. Хотя, судя по уровню разговора, до этого оставалось недалеко.

Деньги, недвижка, удачные сделки, яхты, дети, жены, связи, должности, охота, путешествия, нужные люди в нужных местах и прочие признаки превосходства.

У кого дороже.

У кого больше.

У кого длиннее и толще... ну, список достижений, который можно выложить на стол и гордо погладить.

И вот тут мне стало совсем неприятно от осознания, что, оказывается, раньше я очень гармонично вписывался в это общество.

Играл в те же игры. И достаточно успешно. Носил те же маски, говорил одно, думал другое, манипулировал, давил, цеплял за слабые места и считал себя при этом почти гением человеческих коммуникаций.

Высшим пилотажем я считал умение красиво переиграть человека, произвести впечатление, подколоть так, чтобы он улыбнулся, а внутри захлебнулся злостью.

Теперь я стоял посреди этого праздника лицемерия и тщеславия и искренне не понимал, как раньше умудрялся чувствовать себя здесь своим.

Дело в том, что последние два года я жил совсем в другой системе координат.

В Сирии маски, манипуляции и дешёвые понты не работали. Вообще. Ноль эффекта.

Можешь сколько угодно строить из себя кого угодно — всем плевать, если в деле ты пустое место.

Там очень быстро становилось понятно, чего ты стоишь на самом деле.

Уважение и доверие нужно было заслужить. По-честному, не за деньги.

Не могу сказать, что все мои сослуживцы были прям святыми. Козлов и мудаков там тоже хватало.

Но там всё было честнее. Если ты говно — тебе прямо в лицо так и говорили: ты говно.

И если ты говно, то с тобой не хотят иметь дела.

А это очень опасно. В прямом смысле.

Тогда тебе не будут доверять, рядом с тобой не захотят стоять, ехать, работать. И никто не прикроет твою спину. И ты погибнешь.

Кроме того, там приходилось становиться человеком, на которого можно положиться, который может прикрыть спину другому. Иначе из-за тебя кто-то погибнет.

В этом же обществе становиться лучше не имело никакого смысла.

Ну а зачем? Здесь можно было просто выбрать маску подороже — и тебя примут.

А многие, если честно, даже особо не старались. Гнилая сущность торчала из них наружу как часть дресс-кода. Но у них было столько денег и влияния, что все делали вид: ничего страшного. Ну дерьмо. Ну пахнет. Зато богатый, влиятельный человек.

Я стоял и переваривал происходящее, но тут ко мне подошли Кир с Ариной и предложили уехать в ночной клуб.

И я согласился, лишь бы сбежать отсюда.

Но, как оказалось позже, зря.

Глава 15. Старые друзья

В клубе мы сидели за столиком и выпивали. Музыка долбила так, будто диджей поставил себе цель выбить людям из головы последние признаки мыслительной деятельности.

Вокруг двигались красивые, беззаботные люди. Дорогие рубашки, короткие платья, блестящие губы, пьяный смех и уверенность, что жизнь создана для того, чтобы красиво тратить деньги и молодость.

Раньше я был среди них своим. Да что там — звездой программы.

Теперь же всё происходящее напоминало мне экскурсию по собственной прошлой жизни.

За столиком собралась почти вся моя старая компания.

Кто-то смотрел на меня прямо, пытался рассмотреть шрамы и при этом сделать вид, что просто внимательно слушает.

Кто-то, наоборот, отводил глаза так резко, что становилось даже смешно.

Но абсолютно все упорно делали вид, что ничего не изменилось.

Многие для приличия осторожно спрашивали про службу.

— Ну как ты там? Вообще жёсть была?

Я отвечал честно.

И тут начинались два стандартных сценария.

Первые тут же натягивали страдальческие неискренние лица.

— Бедный Сашка... Какой ужас... Твой отец вообще козёл, что тебя туда отправил.

Вторым тема войны быстро портила настроение, и они закатывали глаза.

— Ой, давайте не будем о плохом, ладно? Мы сюда веселиться пришли.

И я понял, что на самом деле им было глубоко плевать. Им хотелось, чтобы я снова шутил, пил, смеялся, подначивал, вёл себя как прежний Сашка, только с эффектными шрамами для атмосферы.

Впрочем, мне на них тоже было плевать.

Редкий случай, когда мы наконец сошлись во взглядах.

И вообще, взаимное равнодушие — почти здоровые отношения.

Так что я без претензий.

Тем временем Кирилл добрался до сцены. Он расстегнул рубашку, сверкая своим идеальным торсом, и начал танцевать под визг толпы. Софиты били по нему, музыка грохотала, внизу неистовствовали девицы, парни орали и все тянули руки вверх, будто перед ними явился не Кирилл Воронцов, а новое божество красивой жизни.

Выглядело всё это как сцена из «Мадагаскара».

Король Джулиан на возвышении. Внизу — беснующаяся свита. Только вместо лемуров — пьяная московская молодёжь.

Где-то в голове тут же заиграло: *I like to move it, move it.*

Кир, разумеется, был в своей стихии. Я смотрел на него и узнавал прежнего себя. Раньше мне бы захотелось залезть туда же, перетянуть внимание на себя и доказать всем, кто здесь главный красавчик вечера.

И тут меня вынесло в воспоминание.

Сирия. Какое-то село. Пыльная площадь, низкие дома. Солнце, от которого хотелось снять с себя кожу и повесить в тень.

И Барс посреди этой площади. Стоит, значит. На одном плече автомат, на другом — огромный мешок с конфетами. Килограммов сорок, не меньше.

Его со всех сторон окружают дети, маленькие и худые. Барс им что-то говорит на арабском. Нежно и ласково. Раньше от него такой интонации я не слышал.

Барс подозвал меня рукой.

— Бархан, давай. Помогай.

Пришлось переквалифицироваться в Деда Мороза.

Я запускал руку в мешок, доставал горсть и вкладывал в эти маленькие ручонки, которые тянулись со всех сторон.

И каждый раз, когда ребёнок получал свои конфеты, лицо у него менялось мгновенно: нетерпеливое, напряжённое выражение вдруг вспыхивало чистой радостью.

Дети брали сладости и убегали — счастливые и шумные.

Я посмотрел на Барса. Его глаза, обычно жёсткие, в тот момент светились. И, кажется, мои тоже.

— Да, Бархан, — протянул он, глядя на детей. — Истинное счастье в том, чтобы отдавать.

Прозвучало философски. Но это было истинной правдой.

В тот момент, наверное, первый раз в жизни, я ощутил абсолютное, безусловное счастье.

Не от адреналина, победы или чужого восхищения. А просто от того, что мог дать кому-то радость. Пусть маленькую, пусть хоть горсть конфет.

И это счастье накрыло меня целиком.

Огромное, глубокое, до странности чистое чувство, которое не оставляло после себя пустоты.

Музыка снова ударила по ушам. Я вернулся в клуб.

Передо мной всё ещё бесновалась толпа. На сцене Кир раскидывал руки вверх и купался в чужом восторге: похотливые взгляды, смех, визг, пьяное ощущение праздника.

И контраст оказался почти издевательским.

Там, в Сирии, ко мне тянулись руки. Детские, грязные и маленькие. Они тянулись за конфетами, за чем-то добрым посреди войны, за надеждой во что-то светлое и радостное.

А здесь руки тянулись к Кириллу. Руки пьяной, зажавшейся толпы: гладкие, украшенные кольцами и дорогими часами. Они тянулись за дешёвым восторгом, красивой картинкой и очередной дозой иллюзии, что жизнь удалась.

Я сделал плоток, поставил бокал на стол, поднялся и пошёл в туалет. Не потому, что приспичило, а просто захотелось уйти в тишину.

Зашёл в кабинку, опустился на крышку унитаза и закрыл лицо ладонями.

Отличный план, Бархан. Взрослый мужик с военным опытом прячется на толчке от ночного клуба.

Минуты через две хлопнула входная дверь. Судя по голосам, вошли двое — Денис, один из моих приятелей, и какая-то девица.

В подобных заведениях таблички «М» и «Ж» служили исключительно декоративным элементом, и на них никто не обращал внимания.

Видимо, гендерные границы заканчивались там, где начинались алкоголь и похоть.

Они смеялись, что-то шептались, потом Денис сказал:

— Слушай, можно тебя попросить?

— М-м?

— Замути с Сашкой.

Спасибо, дружище! Я тебя об этом очень не просил.

— С Сашкой? — девушка фыркнула. — Ты с ума сошёл? Он же страшный! И вообще говорят, отец его наследства лишил.

Приятно. Очень. Всегда полезно узнать реальную цену собственной личности из разговора в туалете.

— И тем более, — добавила она, — мне ты нравишься, Дэн.

— У меня невеста есть, — лениво протянул Дэн.

— Да? Жаль!

— Но сейчас про Сашку. Понимаешь, у мужика два года бабы не было. Давай так. Замути с ним всего на одну ночь. А я тебе подарочный сертификат в ювелирку подарю. На пятьдесят тысяч.

Она возмутилась.

— Я что, по-твоему, шлюха?

— Сто!

— Ну, хорошо, — ответила шлюха.

Потом послышались возня и довольный голос Дениса.

— Супер! И давай ещё, это, по старой памяти. А? Ну давай! Ты же знаешь, я тебя не обижу.

Девушка рассмеялась.

— Ну, ты и козёл, Дэн.

— Да. Зато щедрый.

Через секунду они завалились в соседнюю кабинку. Раздались характерные звуки, слушать которые я не собирался.

С меня хватит! Я вышел из туалета и даже не стал возвращаться к столику. Ни с кем не попрощался. Просто сбежал из клуба, поймал такси и уехал домой.

Глава 16. Приказ командира

Домой я вернулся после полуночи. Зашёл в свою пустую квартиру, скинул куртку на пол, лёг на матрас у стены и уставился в потолок.

И неожиданно понял: хочу обратно в Сирию.

Там всё было честно и понятно.

Вот свои, вот враги.

Вот жизнь, вот смерть.

Вот задача — выполняй.

Вот опасность — не лезь, а то станешь удобрением для местного ландшафта.

А потом пришло открытие похуже: обратно хотелось не просто в Сирию — в тот самый плен.

В глиняный сарай, где напротив сидел Барс, а остальной мир будто перестал существовать.

Там от меня ничего не зависело. Не было ни прошлого, ни будущего. Можно было просто сидеть, болтать обо всём подряд и упражняться в остроумии и словоблудии.

И не нужно корчить из себя хрен знает кого.

Там можно было быть собой.

Там с тебя быстро слетало всё лишнее: понты, маски, красивые слова, привычка казаться лучше, чем ты есть.

Оставался ты сам — жалкий, злой, смешной, трусливый, сильный. Какой угодно. Какой есть. Зато настоящий.

А в Москве снова приходилось кем-то становиться: сыном, юристом, вернувшимся героем, покалеченным бедняжкой, темой для сплетен.

Ужас! Мне лучше было в плену, чем в собственной новой жизни.

Ну всё, приехали! Поздравляю, Бархан. Это военный синдром в подарочной упаковке.

Но к психологам я, конечно, не пойду. У меня к ним особая нежная нелюбовь с детства.

В последнее время я несколько раз пытался дозвониться до Барса.

Бесполезно: он, как обычно, носился где-то между «секретно», «опасно» и «тебе лучше не знать».

Телефон молчал, будто проходил курс молодого разведчика. Но в штабе обещали передать, чтобы перезвонил.

И сегодня, видимо, Вселенная всё-таки решила обработать мой запрос. Телефон зазвонил почти под утро.

На экране высветилось: Барс.

Аллилуйя!

— Да, — ответил я слишком быстро.

— Здорово, Бархан, — раздался его обычный спокойный голос. — Ну ты как?

От привычного голоса вдруг исчезло желание изображать, что всё нормально.

— Плохо.

— Чего так? Не вписываешься в новую жизнь? — усмехнулся Барс.

— Да. Тут все какие-то лицемерные, развратные ублюдки. Дружба — за деньги, мораль — декоративная, принципы — продажные, честь — только в красивых тостах, верность — до первой доступной юбки.

— Понятно.

— Что тебе понятно? — вздохнул я.

— Ты увидел прежнего себя в зеркале.

Ну вот как у него это получается? Опять попал в самую болевую точку.

— Ну... типа того, — выдавил я.

— И тебе не понравилось.

— Нет, — тихо ответил я. — Не понравилось.

Барс умел ставить диагнозы без анализов, томографии и МРТ.

— Барс, я хочу обратно в Сирию. Представляешь? Лежу в Москве на матрасе и понимаю, что там мне было проще.

Под потолком плавал серый предрассветный свет, а я вдруг сказал то, чего вообще не собирался говорить.

— И ещё, походу, я очень сильно скучаю по тебе, хотя ты та ещё сволочь первостатейная. Даже в мыслях с тобой разговариваю. Это уже совсем клиника.

— Взаимно, Бархан, — сказал Барс. — Но расслабься, это нормально. После войны у всех так. Короче, у тебя военный синдром чистой воды.

— Да я это уже и сам понял. И что делать?

Барс ответил не сразу.

— Первое. Найди цель.

У Барса всё всегда было по полочкам и чётким спискам.

Первое, второе и компот.

— И какую цель?

— Достойную. Она должна быть больше твоего нытья и жалости к себе. Работа, дело, за которое не стыдно. Что угодно, ради чего ты утром встаёшь, бреешь свою страшную рожу и идёшь делать дело.

Ну да, осталось только выяснить, чего я вообще хочу.

— Второе, — продолжил Барс. — Не изолируйся. Найди своих.

— Каких своих?

— Своих, Бархан. Не обязательно военных. Людей, которых жизнь тоже пару раз приложила мордой об асфальт. Только такие будут понимать тебя, а ты — их. Или единомышленников, с которыми тебе будет интересно.

Да уж. С прежней тусовкой взаимопонимания можно было больше не искать.

— Третье. Режим.

— О нет.

— Да. Сон, еда, движение. Не потому, что «здоровый образ жизни» и прочая журнальная хрень. А потому что тело — это база. Если тело развалено, кукуха уезжает следом.

— Четвёртое?

— Следи за психикой. Когда совсем хреново — говори. Не геройствуй молча. Хочешь позвонить — звони. Хочешь к врачу — иди к врачу. Психика тоже орган, Бархан. Если нога прострелена, ты же не говоришь: «Да ладно, само пройдёт, я мужик».

— Некоторые говорят.

— Некоторые потом хромают всю жизнь.

Я тихо рассмеялся.

— Пятое, — продолжал Барс. — Не глуши это алкоголем, наркотой и случайными бабами.

— Прямо по больному.

— Вот именно. Помни: это ловушка. На час отпустит, потом накроет сильнее. Не лезь туда.

Здесь согласен. Наркота — вообще днище. От баб и правда одни проблемы. А алкоголь... не припомню ни одного случая, когда мог бы сказать ему спасибо.

— И всё?

— Да. В общем, задача простая: собери себя заново. Пойми, прежнего тебя больше нет. Ни московского мажора, ни сирийского Бархана. И слава Богу, если честно. Оба экземпляра были так себе.

— И какую версию?

— Какую сам захочешь. Только учти: теперь всё зависит от тебя. Отныне это твой выбор и твоя ответственность, Бархан. Больше не спихнёшь на детство, папу, войну, людей и прочие отмазки для тех, кто привык искать виноватых.

Прекрасно! Свободу воли мне выдали, а инструкцию по применению забыли.

— Барс, — спросил я после паузы почти жалобно. — Я совсем не понимаю. Как мне жить дальше?

— Как-как. Жить и радоваться!

— Охренительный совет. Спасибо. Запишу на стене.

— Всё просто, Бархан. Чтобы жить и радоваться, нужны всего две вещи. Первая — жить, вторая — радоваться.

Конечно! Легко сказать.

— Ну, допустим, с «жить» у меня получается. По крайней мере, технически. А вот с «радоваться» как-то не очень.

После паузы я спросил:

— Барс, а ты сам-то чему радуешься?

Ну-ну. Послушаем специалиста.

— Да много чему, Бархан... Поболтать с друзьями. Посмеяться от души. Посидеть у костра. Попеть песни. Исккупаться в чистом озере. Любоваться звёздами. Встретить рассвет. Накормить бездомную собаку. Попариться в баньке. Побаловать детей. Помочь человеку, который сам не выгребает. Спасти одного особо одарённого мажора из плена — тоже радость, хоть и сомнительная.

Ну надо же! Барс и простые радости жизни! А последняя радость и правда на большого любителя.

— Я в своей комнате даже шторы на окна не вешаю, — продолжал он. — Люблю наблюдать, как по стене ползёт рассветный луч солнца.

Офигеть! Я отнял телефон от уха и проверил имя на экране.

Барс. Нет, точно не подменили.

— Короче, радости в жизни можно найти сколько угодно. И обрати внимание, — добавил он. — Всё это абсолютно бесплатные.

С одной стороны, звучало до неприличия просто.

С другой — попробуй ещё научись радоваться тому, чего никогда не замечал.

Всё это слишком сложно.

— Да ничего в этом сложного нет, Бархан, — сказал Барс.

Опять прочитал мои мысли, гад.

Барс продолжал:

— Но наивысший уровень радости — это счастье любить и быть любимым. Но это уже для особо продвинутых.

Да уж, этот уровень для меня точно не доступен.

— А знаешь что? — спокойно сказал Барс.

— Что?

Следующая фраза прозвучала тем самым голосом, после которого в Сирии организм начинал выполнять приказ раньше головы.

— Вот тебе мой личный приказ, Бархан! Найди цель и делай своё дело. Держись своих. Соблюдай режим. Следи за психикой. И никакой запрещёнки.

Я аж вытянулся по стойке смирно. Рефлекс, зараза, сработал мгновенно.

— И главная боевая задача — жить и радоваться. Приказ ясен?

— Так точно, товарищ командир!

— Выполняй!

— Есть! – Я козырнул телефону.

Мы вместе рассмеялись. И впервые за последнее время меня действительно отпустило. За окном начинался рассвет. Бледный, московский, мутный, без сирийского солнца и драматичной красоты. Но он был.

Ну что ж, командир, будем выполнять приказ.

Пункт первый — цель.

Цели у меня не было. Желаний — тоже. Поэтому начал с самого понятного — с работы. Ушёл в неё с головой и старался быть действительно полезным.

Пункт второй — свои.

Я создал группу в мессенджере и добавил туда всех своих сослуживцев, кого смог найти. Кто-то ещё служил, кого-то перевели, кого-то уже списали. Мы переписывались, созванивались, иногда встречались с теми, кто был в Москве.

С ними не нужно было притворяться, что всё отлично. Можно было среди ночи написать: «Не спится» — и через минуту получить три ответа от таких же идиотов.

Пункт третий — режим.

Здесь проблем не возникло. За два года Сирия приучила меня к дисциплине лучше любого бизнес-тренера. Сон, еда, работа, движение — всё по расписанию.

Пункт четвёртый — психика.

Тут очень помогали свои. Мы делились тем, у кого как едет крыша, кто как сидит ночью на кухне и смотрит в одну точку. Говорили, слушали, вытаскивали друг друга.

Пункт пятый — запрещёнка.

С этим просто. За два года я от неё отвык и возвращаться назад не собирался.

Постепенно главная боевая задача начала получаться.

Жить я уже умел, радоваться тоже начал.

Потихоньку: кофе утром, солнечное небо, любимая музыка, шутки друзей, чужая улыбка, вкусный ужин, выигранное дело, человек, которому помог.

Я вдруг понял: радость не приходит снаружи. Её не привозят в дорогой машине, не наливают в бокал и не выдают вместе с чужим восхищением.

Она где-то внутри. Тихая, упрямая, почти незаметная.

В общем, жизнь налаживалась. Просыпаться и брить свою страшную рожу по утрам стало радостнее и веселее.

Видимо, базовый курс издевательств я прошёл успешно.

Вселенная это заметила и решила: расслабился, Бархатов? Отлично. Пора переходить на следующий, более сложный уровень.

Я влюбился.

Глава 17. Вдруг стало хорошо

Когда все юридические вопросы были обговорены, Александр Владимирович закрыл папку и посмотрел на меня.

— Дарья Сергеевна, вы обедали?

— Нет.

— Тогда предлагаю исправить. Внизу есть кафе.

Приглашение застало меня врасплох.

— Не пугайтесь. — Он улыбнулся. — Это всего лишь бизнес-ланч.

— Ну хорошо.

В кафе я заказала чай и салат, он — кофе и что-то горячее.

— Дарья, как вы справляетесь? — вдруг спросил он.

— С чем?

— С тем, что случилось в июле.

Вопрос оказался слишком личным для делового обеда.

Он заметил моё смущение и коснулся пальцами левой стороны лица — там, где шрамы пересекали кожу.

— У меня тоже июль семнадцатого. Обстрел военной колонны. Сирия.

— Плохо справляюсь, — честно ответила я.

Мой ответ его не удивил.

— Но хуже всего тишина и одиночество, да?

Вот тут он попал точно в самое болезненное. Похоже, слишком хорошо знал, о чём говорит.

— Да, — сказала я тихо.

— Друзья есть? — спросил он. — Парень?

Ну насмешил.

— Я вас умоляю, Александр Владимирович. Какие друзья? Какой парень? У меня ПТСР цветёт буйным цветом. Для меня выйти из дома — подвиг. А то, что я сейчас сижу с Вами и обедаю, — достижение. Завтра психолог будет меня за это хвалить. Она настойчиво рекомендует мне чаще выходить из изоляции.

— Парня, значит, нет? — уточнил он с подозрительно деловым интересом.

— Нет.

— Прекрасно! — слишком довольнo заявил он.

Я удивлённо посмотрела на него, и он снова стал серьёзным.

— Что ж, Дарья Сергеевна, тогда мы будем выполнять рекомендации психолога. Выходить из изоляции.

— Мы?

— У меня, как видите, похожая проблема.

Он сделал глоток кофе.

— Приглашаю вас в субботу на каток.

— На каток? Я даже на коньках кататься не умею.

— Никогда не поздно научиться.

Отказываться почему-то не хотелось.

— Почему бы и нет? — Я пожала плечами.

— Отлично, — ответил Александр Владимирович.

В субботу Александр Владимирович заехал за мной.

На катке мне сразу стало ясно: идея была ужасная. Лёд разъезжался под ногами, я хваталась за бортик, за его руку, за воздух — за всё, что могло спасти меня от позорного падения. Не спасало.

Я падала, он поднимал. Снова падала — снова поднимал. А потом мы оба смеялись.

И вдруг мне стало хорошо. По-настоящему хорошо.

После катка мы зашли в кафе. Где-то между льдом, смехом и горячим чаем мы перешли на «ты».

Говорили о том, как каждый из нас живёт после своего июля семнадцатого.

Саша почти не спал — четыре часа в сутки, иногда меньше. Я, наоборот, могла спать по двенадцать часов и всё равно просыпалась разбитой.

Мне снились кошмары. Каждую ночь отец снова умирал, а я снова не могла ничего сделать и просыпалась в полном ужасе. Саша рассказывал про своё — про войну, обстрел, госпиталь.

И впервые за долгое время я чувствовала: меня действительно понимают.

— А что ты делаешь? — спросила я. — Ну... чтобы выбраться.

— Стараюсь жить и радоваться.

Звучало подозрительно просто.

— Очень интересно. Ну допустим, жить у меня получается. А вот радоваться — не очень.

Саша засмеялся.

— Поверь, это не так сложно, как кажется.

— Правда? — Я подняла брови.

— Да. Хочешь, научу?

— Попробуй. Вдруг у тебя получится.

Когда он проводил меня до дома, на улице уже стемнело.

— Спасибо тебе огромное, — сказала я. — Это был... чудесный день.

— И тебе спасибо. Мне тоже было хорошо. Надо повторить.

— Повторить?

— Да. Завтра идём в кино.

— Завтра? — Я растерялась.

— А зачем откладывать прогресс, Дашенька?

Ну вот как с ним можно было спорить?

— Хорошо. В кино.

Так мы начали общаться. Созванивались, переписывались, разговаривали обо всём: о фильмах, выставках, книгах, смешных случайностях и московской зиме.

Новый год я встречала у Валентины Павловны, маминой коллеги. Она пригласила меня ещё заранее, и я не отказалась.

Саша тоже предлагал провести праздник вместе, но, узнав про Валентину Павловну, сдался:

— Ладно. Уступаю старшему поколению. Но я это запомню.

А первого января он появился у моей двери в костюме Деда Мороза. С бородой, посохом, красным мешком и совершенно серьёзным лицом.

Я открыла дверь — и впервые за много месяцев рассмеялась так, что у меня заболели щёки.

— Девочка Даша хорошо себя вела? — спросил он низким голосом.

— Сомнительно, — ответила я, пытаясь не задохнуться от смеха.

— Тогда придётся заслужить подарок. Стихотворение!

И я рассказывала ему детский стишок, стоя под ёлкой в зале в тёплых носках, и почему-то была совершенно счастлива.

Он подарил мне кулон с каплей горного хрусталя.

— Увидел и почему-то подумал о тебе, — сказал Саша уже без шутки.

Я тоже подготовила для него подарок — тёмно-серый шарф. Саша всё время ходил без шарфа, и мне почему-то казалось, что у него мёрзнет горло. К тому же он идеально подходил к его пальто. Шарф он тут же надел и до конца вечера не снимал.

После Нового года прогулок стало ещё больше. Одна я ни за что не решилась бы пойти ни в кино, ни на выставку, ни просто гулять по вечерней Москве. А с ним мне было безопасно. И, что удивительно, интересно.

К тому же он умел шутить так, что я смеялась даже тогда, когда с утра была уверена: сегодня точно не получится.

Постепенно я начала понимать — Саша влюблён. Это чувствовалось во всём. В том, как он смотрел на меня, как искал любой повод увидеться, как всё время держался чуть ближе — и при этом никогда не делал шага, который мог меня испугать.

Но я пугалась.

Потому что он тоже начинал мне нравиться. И вот с этим я вообще не знала, что делать. Ни со своим чувством, ни с его.

Глава 18. Предложить ей могу только себя

Я влюбился.

И, конечно, инструкцию, что с этим делать, мне, как обычно, никто не выдал.

Оказалось, что я вообще не умел ухаживать за девушками. Как бы позорно это ни звучало, раньше не я ухаживал за ними, а они — за мной.

Девушки сами влюблялись, сами старались понравиться.

А я просто позволял себя любить. Сам же, как выяснилось, никогда не любил.

Если девушка соглашалась на всё и смиренно терпела все мои выходки, то я терял интерес. В таких случаях я, как конченный эгоист, просто исчезал.

Другие просто уставали тащить наши недоотношения в одиночку и уходили. Потому что я умел дарить подарки, но не себя. Заботиться, подстраиваться, быть рядом — это уже без меня.

Уходили девушки обычно с формулировками: «сволочь», «скотина», «чудовище» и далее по списку.

Но я не парился. Эта сломалась — несите следующую.

И да, я никогда не обольщался: меня любили не за богатый внутренний мир. Деньги, фамилия, красивая рожа — вот и весь набор преимуществ, которым я успешно пользовался.

А меня самого? Вот тут возникали вопросы. Где-то глубоко внутри я знал: настоящего меня любить особо не за что. Характер у меня паршивый. Заботиться о других толком не умею. Нежностью не страдаю.

Теперь же набор преимуществ исчез, остался только я.

Так что Барс прав, теперь всё по-честному.

Предложить Даше я могу только себя.

Так себе подарок, если честно.

Но я люблю её. Впервые в жизни — по-настоящему.

И отчаянно мечтаю, чтобы она полюбила меня в ответ.

Понимаю, конечно: шанс из области фантастики. Тогда хотя бы — чтобы позволила быть рядом. Заботиться о ней. Любить её.

И ради этого я готов был очень постараться.

Но всё шло очень даже неплохо. Разведка боем донесла: парня у неё нет.

Мы начали общаться. Я вытаскивал её из дома так часто, как мог. Созванивались, переписывались. Навязываться я боялся, поэтому лишний раз не писал и не звонил, хотя хотелось постоянно.

Зато, когда первой писала она, настроение мгновенно улетало куда-то в стратосферу и я радовался как счастливый идиот.

Первого января появился к ней в костюме Деда Мороза. Даша открыла дверь — и замерла. А потом рассмеялась.

Господи, как она смеялась! Светло, звонко, почти по-детски. Она быстро включилась в игру. Встала под ёлкой в зале и рассказала мне стишок. Я стоял напротив в красной шубе, как полный придурок, и улыбка сама не сходила с лица.

Дед Мороз подарил ей подарок, и, кажется, он ей понравился. А потом она вдруг смутилась и достала маленький пакет. Внутри был тёмно-серый шарф. Мягкий, тёплый, простой.

— Дед Мороз тоже может замёрзнуть, — сказала она.

Я аж чуть не прослезился. Забота! Обо мне!

После Нового года Даша пригласила меня на ужин.

И тут выяснилось, что она ещё и прекрасно готовит.

Просто чудесно. Девушка, в которую я безнадежно влюблён, решила добить меня домашней едой.

В январе у меня был день рождения. Отец и Ирина звали отметить у них дома. Ирина даже собиралась устроить какой-то приём в мою честь, но я, конечно, отказался. Честно говоря, я хотел провести его только с Дашей.

Но в Москве как раз оказался Барс, и идея тихого вечера быстро обросла людьми.

В итоге решил собрать своих: Дашу, Барса, Маэстро и Грома. Ну и семью отца ради приличия.

За пару дней до праздника Даша позвонила сама.

— Саша, у меня проблема. У меня нет ни одного платья для ресторана. И я вообще не понимаю, какое купить.

— О, это легко исправить.

Мы поехали в торговый центр, и в копилке моих радостей появилась новая — наряжать мою красавицу.

Превосходно. Мне выдали личную куклу Барби, только живую, смущённую и совершенно невозможную.

Она выходила из примерочной, а я сидел и откровенно кайфовал.

Ей шло всё. Просто всё. И я купил ей столько нарядов, сколько мы смогли унести. Она, естественно, отказывалась, но тогда её отказ я просто проигнорировал.

Даша стояла перед зеркалом, смущённая и прекрасная, а я просто радовался.

Дальше оставалось только не облажаться.

Глава 19. Позывной — Бархан

Ресторан был обычный, но приличный: отдельный зал, мягкий свет, накрытый стол.

Дарья была в тёмно-синем платье, которое ей безумно шло, и Александр откровенно ею любовался.

— Очень красивая, — прошептал отец ему на ухо, а Ирина одобрительно кивнула.

Александра мнение семьи о Дарье вообще не волновало, но ему всё равно стало приятно.

Дарья же заметно смущалась, она не привыкла к такому вниманию к себе.

Барс пожал имениннику руку, посмотрел на Дарью и, когда она отвлеклась, тихо сказал:

— Замечательная! Кажется, та самая. Да? Рад за тебя, дружище.

Александр широко улыбнулся. Мнение этого человека для него было очень важным.

А потом рядом возник Кирилл, окинул Дарью слишком откровенным взглядом, толкнул Александра локтем в бок и шепнул:

— Какая сладенькая девочка! Ну что, трахнул её уже?

Лицо Саши мгновенно изменилось: улыбка слетела, взгляд стал злым и тяжёлым.

— Рот закрой, Кир, — жёстко бросил он. — И глаза свои с неё убери. На жену свою лучше смотри.

Кирилл усмехнулся и отошёл. Впрочем, весь вечер Кирилл пускал на Дарью сальные взгляды. Большинство гостей этого не замечали. А Александра этот взгляд бывшего лучшего друга злил. Сильно злил.

Когда все наконец расселись, начались тосты. Члены семьи говорили тепло, отец — сдержанно, а Барс и сослуживцы держались в своём репертуаре: грубовато, коротко, но с очевидной привязанностью.

Когда тосты закончились, Кирилл лениво спросил:

— А у вас имена-то нормальные есть? А то какой-то цирк уродов на выезде: Бархан, Барс, Маэстро, Гром. — Кирилл засмеялся собственной шутке.

Он явно рассчитывал этим их задеть.

Но нет. Александр с друзьями рассмеялись — искренне и без малейшей обиды.

Дело в том, что эти люди умели подкалывать друг друга так эпично, что после их шуточек чаще хотелось писать завещание, чем смеяться.

Кирилл на этом фоне выглядел почти гуманистом, а его укол — жалким.

— Кир, в наш цирк тебя не пустили бы даже в качестве обезьяны, — парировал Александр.

— Имена у нас есть, конечно, — спокойно ответил Маэстро. — Но их нам дали родители, а позывной ещё нужно заслужить.

Артём с любопытством подался вперёд:

— А почему Саша именно Бархан?

И, судя по взглядам, этот вопрос интересовал не только его.

Барс ответил со всей серьёзностью:

— Вообще по фамилии он, конечно, должен был стать Бархатом. Но Бархат ему не подходит. Вот совсем. Слишком злой. И ни фиги не мягкий.

За столом все рассмеялись. Абсолютно все с этим были согласны.

— А Барханом он стал после одного случая, — сказал Маэстро. — Как-то раз началась песчаная буря. Как обычно, быстро и почти без предупреждения. Сашка успел спрятаться за барханом сам и затащил туда двух сирийских детей. Их уже почти сносило ветром. После бури он вылез из песка злой, живой и с двумя перепуганными пацанами под мышкой. Вот тогда он и стал Барханом.

— Вообще барханы в Сирии встречаются редко, — подхватил Барс. — Но штуки они удивительные. Сашка тоже редкий экземпляр.

Все слушали Барса с явным вниманием.

— С виду просто куча песка. Но бархан не так прост, как кажется. Ветер может изменить бархан, руками можно разгрести песок — а он всё равно останется. Его не уберёшь с дороги. Он больше тебя.

Говорил Барс почти вдохновенно — будто рассказывал не о песчаном холме, а о чём-то живом, древнем и по-своему величественном.

— У подножия бархана всегда есть жизнь. Всё живое тянется к нему за защитой — от ветра, зноя и чужих глаз. И он закрывает собой, защищает.

Маэстро добавил:

— Но если пойдёшь против него как враг — пожалеешь. Бархан засыплет тебя песком, изменит дорогу так, что потом не найдёшь. К барханам вообще нельзя относиться легкомысленно.

Гром подхватил:

— Ну и да, ещё барханы очень красивые. Упрямые, живучие, свободные и совершенно неуправляемые.

Барс подытожил:

— Короче, барханы — настоящие красавчики пустыни. Причём с характером. Сильные — по природе. Надёжные — по сути. Вот поэтому Сашка — Бархан.

— Спасибо за рекламную кампанию, друзья. Сколько с меня? — сухо бросил Бархан.

— Нисколько. Считай подарок, — великодушно объявил Маэстро.

Потом Барс неожиданно сказал:

— Вообще, когда я впервые увидел Бархана, я сначала даже не понял, кто это. Представьте себе. Разбитое село после зачистки. Раненые, убитые, техника. Обычный такой пейзаж войны. Наши работают.

Барс указал на Александра пальцем.

— А этот стоит посреди разрушенных домов и трупов. В новенькой форме и с абсолютно потерянным видом. И тут началась контратака. Взрывы, стрельба. Все, кто мог, ушли в укрытие. А этот всё ещё стоит. Я ему ору: «Ложись!» Потом: «К нам!» Потом уже: «На землю, придурак!» А он будто оглох.

Барс говорил без насмешки, ровно и буднично.

— Просто стоит посреди этого ада, смотрит по сторонам и вообще не понимает, что делать. Шоковое состояние в полный рост. Ну и тут игиловцы его взяли, избили, закинули в пикап и увезли. Вот так Бархан в первый же день службы попал в плен. Потом, правда, он из этого плена сбежал.

Конечно же, о своей роли в этом побеге Барс умолчал. Он редко говорил о себе и вообще не любил высвечивать. Профдеформация у него такая.

Владимир так и застыл с бокалом в руке, а Кирилл засмеялся.

— Ну и, наверное, потом Сашка всё оставшееся время просидел на базе, меняя памперсы. Александр мысленно пожелал ему подавиться оливкой.

Но Барс, кажется, вообще не заметил сарказма.

— Не, памперсы нам не выдают. По уставу не положено. А на базе мы только ночевали. В остальное время Бархан ходил по таким местам и видел то, от чего у нормального человека крыша может поехать.

Маэстро пояснил.

— Вообще, работёнка у Бархана была так себе. Военный юрист, звучит красиво. Но на деле — выгоревшие деревни, геноцид, показательные казни, изнасилованные женщины. И горы трупов. И ему нужно было придать всему этому кошмару юридическую форму.

Владимир сидел с таким видом, будто его представление о службе сына только что дало серьёзную трещину. Барс это сразу уловил.

— Что, Владимир Алексеевич, а ты думал, что твой сын сидел в штабе и перекладывал бумажки из одной папки в другую? Почти не угадал!

Да. Именно так он себе и представлял: штаб, документы, сравнительно безопасная работа. А теперь слышал про плен, про ужасы войны, про обстрелы, про смерть, которая два года ходила рядом с его сыном.

В его груди неприятно закололо. Ирина молча нашла его руку под столом и крепко сжала.

— А последний раз, когда я видел Бархана в Сирии, это был уже совсем другой человек, — продолжил Барс. — Все те же декорации из ада. И вот среди всего этого идёт Бархан. Спокойно и уверенно. Идёт по-хозяйски, для него хаос вокруг — всего лишь территория, которую он уже мысленно разложил на раненых, погибших и будущий отчёт.

Слова Барса будто отодвинули ресторан, свет и накрытый стол куда-то далеко.

— На земле лежала мёртвая женщина. У неё в руках — мёртвый ребёнок. Возле неё сидел мужчина. Видимо, муж. Он кричал так, что от этого крика кровь стыла в жилах. Если вы никогда не слышали такой крик, значит, вы не знаете, как звучит человеческое горе.

У Владимира задрожали руки. Ирина была напряжена до предела. Аня машинально свернула салфетку в тугой комок. Артём слушал серьёзно, не отрывая взгляда от Барса. Арина закрыла лицо руками.

Только Дарья сразу поняла, о каком крике говорил Барс. В отличие от остальных, она слышала такое и прекрасно понимала, о чём речь.

— Бархан спокойно подошёл к мужчине, — продолжил Барс. — Присел рядом, сделал укол успокоительного. Мужчина повалился на бок и продолжал рыдать. Потом Бархан накрыл женщину найденной рядом тканью. Поднялся, что-то отметил в планшете. И пошёл дальше.

Воздух за столом будто стал плотнее. Барс сделал глоток воды.

— А потом из разваленного дома высыпали трое боевиков. Они пытались тихо уйти. Но им не повезло нарваться на Бархана. Один выстрелил. Первая пуля прошла мимо. Вторая попала в бронежилет.

Дарья тихо вскрикнула и тут же прижала пальцы к губам.

Владимир резко вдохнул и машинально коснулся груди.

— Через пару секунд Бархан уже настиг стрелявшего и вырубил его одним ударом. Второму Бархан выстрелил по ногам и обездвижил. Третьего — догнал и тоже вырубил.

Барс говорил так, будто описывал обычный рабочий день. Ну, наверно, для него это так и было.

— Потом он вызвал своих по рации. Подошли ребята, загрузили этих троих уже пленных в кузов и увезли. Это был последний раз, когда я видел Бархана в Сирии целым. А потом случилось то, что случилось.

Все присутствующие молча пытались осознать услышанное.

Гром не удержался и захохотал:

— В общем, экспресс-курс «От неженки до Чака Норриса» прошёл быстро, больно, эффективно. Кому надо, обращайтесь, могу организовать.

Барс добавил:

— Был мажор и провокатор — стал сирийский терминатор!

Александр и его друзья громко рассмеялись.

Но, похоже, смешно было только им.

В глазах Артёма читался явный интерес и восхищение. Арина смотрела в стол. Ирина и Аня были в явном замешательстве.

Потрясённый Владимир долго смотрел на сына, словно пытался совместить услышанное с человеком, которого знал всю жизнь.

И даже Кирилл выглядел растерянным. Редкое для него состояние.
А Дарья смотрела на Александра так, будто видела его впервые.

Глава 20. Белая полоса

После ресторана я проводил Дашу домой с чётким планом: напроситься на чай и предложить ей встречаться.

Всё шло прекрасно. Мы пили чай, делились впечатлениями после праздника, а я тянул время и никак не мог перейти к главному.

Вообще-то речь я придумал заранее. В голове получалось красиво, уверенно и почти романтично. В реальности я нервничал сильнее, чем перед всеми своими сирийскими приключениями.

Наконец собрался с духом. И, конечно же, вся заранее заготовленная красивая речь тут же вылетела из головы.

— Дашенька, я безумно в тебя влюблён.

Она улыбнулась.

— Да, я уже заметила.

Ну и прекрасно. Одной великой тайной меньше.

— Вот и хорошо. Я это... я хотел предложить тебе встречаться. Ну, чтобы мы были парой. На слове «встречаться» её улыбка пропала. Нехороший знак.

— Саш, я не знаю... Я не уверена, что смогу. Мне сейчас сложно и...

Та-а-ак. Пошла зона турбулентности.

Я мягко перебил её, пока не получил твёрдый отказ.

— Дашенька, послушай, тебе вообще ничего не нужно делать. Только принимать мои ухаживания и позволять мне быть рядом. Всё. Если тебе не понравится — я отойду. Без обид и трагедий вселенского масштаба.

Я занервничал и по привычке попытался спастись юмором.

— Хотя трагедии вселенского масштаба у меня, конечно, получаются неплохо.

Она по-прежнему молчала. Вот теперь стало совсем плохо.

Ладно. Красиво уже не получилось. Сейчас главное — выпросить шанс. Я перешёл к жалобным уговорам.

— Ну ладно тебе. Пожалуйста, соглашайся. Дашенька, дай мне шанс. Я, конечно, подарок сомнительный, но очень старательный.

Если она сейчас скажет «нет», придётся сохранить лицо, уйти красиво и сдохнуть где-нибудь за углом.

— Хорошо. Давай попробуем, — неожиданно ответила она.

Есть! Она согласилась!

Так, Бархатов, спокойно. Сидим ровно. Дышим. Не орём. Не скачем. Девушку раньше времени не пугаем.

Внутри всё прыгало и орало «ура», а я сидел и очень старался выглядеть адекватным взрослым человеком.

Я осторожно поцеловал её в щёку и решил вовремя уйти, пока от счастья не начал вести себя совсем неприлично.

Кажется, в моей жизни наконец-то наступила белая полоса. За последние годы — редкое явление. Почти аномалия.

Теперь главное — не начать по привычке идти по зебре, а аккуратно ползти вдоль этой белой полосы.

У нас с Дашенькой начался роман. Цветочки, конфетки, кино, ужины, прогулки под ручку — всё как положено.

С Дашей мне было очень интересно. Она была прекрасно образована. Литература, история, языки, живопись — она во всём этом разбиралась спокойно, без желания блеснуть.

Даже в поэзии.

Я в поэзии тоже разбирался. По-своему.

Знал несколько стихов Есенина, Маяковского и ещё кого-то. В прежней жизни любил в пьяной компании залезть на стул и с бокалом в руке вдохновенно декламировать Бродского.

Девушки были в восторге. Парни делали вид, что тоже. И все считали меня интеллектуалом. Хотя это был всего лишь способ привлечь внимание и выглядеть глубже, чем я был на самом деле. На саму поэзию мне, разумеется, было плевать.

Сейчас же я этим поэтам был благодарен. Бродский, оказывается, спас не одного влюблённого идиота.

Поцелуи и объятия оказались для меня отдельным видом пытки. Её близость, её запах, её руки на моей шее — всё это сносило мне крышу. Я хотел её просто безумно.

Но я держал себя в руках. Благородно и героически.

И после каждого свидания я оставался один на один со своим желанием и очень богатой фантазией. Приходилось заниматься рукоблудием.

Ну а куда деваться?

Из её рассказов я понял, что она никогда ни с кем не встречалась. Просто в её окружении не было парней, с которыми это могло бы случиться. И осознание этого окончательно свело меня с ума.

Прекрасно. Я внезапно получил в руки хрупкое чудо и понятия не имел, что с ним делать.

Да. Она была чистым созданием, не тронутым цивилизацией. Я же на её фоне был очень сильно испорчен жизненным опытом.

Красавица и чудовище! Очень, конечно, вдохновляющая история. Особенно если ты — чудовище.

А потом Даша призналась, что любит меня.

Я, конечно, был счастлив. Но в глубине души не верил, что такая девушка может по-настоящему меня полюбить.

Моё внутреннее чудовище притихло. Спряталось где-то под рёбрами. Сделало вид, что его нет. Но я-то знал: оно никуда не делось. И если Даша однажды увидит меня настоящего, она, наверное, ужаснётся.

Однажды я спросил:

— Какие у тебя любимые цветы? А то я дарю тебе букеты и даже не знаю, нравятся ли.

— Тюльпаны, — ответила Даша.

— Интересный выбор. Почему именно тюльпаны?

Она рассказала про отца, про то, что тюльпаны на самом деле сильные и умеют выживать. А потом расцветают и преображают даже пустыню. Я слушал её и вдруг понял.

— Знаешь, а ведь ты, Дашенька, — настоящий тюльпан.

— Почему?

— Ты сильнее, чем кажешься. И при этом очень нежная. Ты появилась — и моя пустыня расцвела. До тебя там был только песок, ветер и пара кактусов с отвратительным характером. А потом пришла ты — и в этом бесполезном пейзаже вдруг захотелось жить.

Я договорил и сам себя мысленно перекрестил. Это точно я сказал? Кошмар. И когда я стал таким романтичным?

Но я хотел большего. Хотел, чтобы она была только моей. Целиком и полностью. Навсегда.

Мне вдруг стало понятно, зачем люди вообще женятся.

Я хотел на неё полные права и был согласен на любые обязательства.

Прекрасно. Бархатов дозрел до брака. Где-то далеко бывшие мои собутыльники подавились виски.

И я начал реализовывать этот план.

Понятное дело, к жене я жить не пойду. Типа гордый.

А значит, нужно «вить гнездо»!

Поэтому я наконец забрал свои вещи со склада временного хранения. Тот самый дорожный хлам из прошлой жизни.

Хлама оказалось много: брендовой одежды — на гвардию, парфюма — на две гвардии, часов — целая коллекция. Плюс обувь, костюмы, куртки и куча аксессуаров, на которые прежний я, видимо, смотрел как на смысл существования. Я даже удивился, зачем мне всё это было нужно.

Отец, как ни странно, оставил мне машину. Её я продал первой, а себе купил попроще. Всё остальное тоже ушло с молотка.

Денег хватило на первоначальный взнос. Взял ипотеку.

Оставшееся я вложил. С инвестициями у меня проблем не было: я с детства крутился среди людей, которые говорили о деньгах чаще, чем о погоде.

Так у меня появилась своя квартира. Пустая, новая, пахнущая ремонтом и будущей жизнью.

Нашей жизнью.

Если, конечно, Даша не сбежит раньше, чем я успею окончательно превратиться в приличного человека.

Глава 21. Моя весна

Моя жизнь наконец-то начала налаживаться.

Дорогой мой папочка, кажется, пришла моя весна.

Когда Саша предложил мне встречаться, я испугалась. Слишком многое во мне ещё только училось снова доверять жизни. Но рядом с ним я чувствовала себя в безопасности. К тому же я уже была влюблена. Поэтому я сказала:

— Хорошо. Давай попробуем.

После его ухода я подошла к окну.

Саша вышел из подъезда, отошёл на несколько шагов и вдруг вскинул руки вверх, как мальчишка, который только что выиграл главный матч в жизни.

Я рассмеялась.

Именно тогда подумала, что попробовать действительно стоит.

Саша ухаживал за мной очень красиво. Цветы, прогулки, сюрпризы. Для меня всё это было впервые.

С Сашей было удивительно интересно. Он оказался очень умным. Мог говорить обо всём: о книгах, истории, живописи, политике, людях, музыке.

Даже в поэзии разбирался. Знал наизусть много стихов.

Бродского особенно.

А ещё он целовал меня так, что у меня подкашивались ноги. От его объятий внутри загоралось желание. И я не знала, что с этим делать. Смущалась, отворачивалась, прятала лицо у него на груди. А он только целовал меня в макушку.

Саша признавался мне в любви. Часто. Очень часто.

И каждый раз у меня замирало сердце.

Конечно, однажды я ответила ему взаимностью. Иначе и быть не могло. Его просто невозможно было не любить.

Он был самым замечательным человеком из всех, кого я знала. Самым заботливым. Самым сильным. Самым смешным. Самым добрым — хотя сам почему-то старательно делал вид, что это не так.

Почему-то Саша не верил, что его можно любить. Как-то мы сидели в маленьком уютном ресторанчике. Он провёл пальцами по левой стороне лица, там, где шрамы, и спросил:

— А тебя не смущает вот это?

— Нет, — ответила честно. — Нисколько не смущает.

— Совсем? — Видимо, этот вопрос мучил его давно.

— Совсем. Я сторонник теории, что главное не форма, а содержание. А содержание у тебя, Саш, замечательное.

Он опустил взгляд. Я осторожно коснулась кончиками пальцев его левой щеки, там, где тянулись шрамы.

— А ещё я верю, что красота в глазах смотрящего. Ты для меня самый красивый на свете.

В его глазах появились слёзы, и Саша сердито моргнул, будто сам был недоволен такой реакцией. Потом накрыл мою руку своей, прижал её к щеке и, повернув голову, поцеловал мою ладонь.

— А ты для меня самая красивая на свете, моя девочка, — тихо сказал он.

В феврале мне пришла страховая выплата за родителей. Около пятнадцати миллионов рублей по курсу. Эти деньги казались неправильными. Нужными — и одновременно невозможными.

Саша посоветовал просто положить эти деньги на депозит. Пусть лежат и капают проценты. Я так и сделала.

Он постоянно строил планы. Иногда мне казалось, что он уже мысленно разложил нашу жизнь лет на пятьдесят вперёд: как поженимся, куда поедem отдыхать и как будем жить долго и счастливо.

В апреле он вдруг сказал:

— Дашенька, у тебя в мае день рождения. Я хотел бы провести его только вдвоём. Как ты на это смотришь?

— Это же ещё не скоро, — удивилась я.

— Мне нужно заранее обезвредить Валентину Павловну. — Саша понизил голос. — У меня к ней счёты.

— Какие ещё счёты?

— Она способна организовать тебе гостей, салаты, торт с розочками и конкурсы. Я не могу так рисковать. Поэтому хочу договориться с тобой первым.

— Хорошо. Только вдвоём, — рассмеялась я.

В день рождения Саша повёз меня в ресторан. Всё было очень красиво: тихий зал, свечи, цветы.

Он почти весь вечер шутил, но я всё равно видела, что он волнуется.

А потом вдруг замолчал, достал маленькую коробочку и стал совсем серьёзным.

— Дашенька, я хотел сказать это красиво, умно и желательно без позора. Но, кажется, сейчас всё равно забуду половину слов.

Саша открыл коробочку. Внутри было кольцо.

— Я хочу быть рядом. Любить тебя, защищать, смешить, бесить и каждый день доказывать, что ты не ошиблась. Выходи за меня. Пожалуйста.

У меня перехватило дыхание.

— Да, Саш, — сказала я. — Конечно, да.

Он надел кольцо мне на палец и так счастливо улыбнулся, что я расплакалась.

— Спасибо, моя девочка, — тихо сказал он.

В июне мы сыграли свадьбу.

Она была красивой, но скромной. С моей стороны была Валентина Павловна с мужем, со стороны Саши — его семья и друзья-сослуживцы.

В тот день мне казалось, что всё наконец встало на свои места.

У меня появился муж. Дом. Будущее.

И мы были счастливы.

Очень счастливы.

Глава 22. Конец сказки

Мы были счастливы.

По-настоящему счастливы. Спокойно, тепло, почти неправдоподобно. У нас были свои привычки, свои шутки, свои вечера. Саша много работал, иногда уезжал в командировки, но мы всегда оставались на связи. Сообщения, звонки, короткие голосовые, видеосвязь перед сном.

В январе 20-го он тоже уехал по служебным делам. Обычная командировка.

Поздно вечером Саша позвонил по видеосвязи.

Я ответила почти сразу. Соскучилась, глупая.

На экране появился гостиничный номер. Полумрак, бутылка на столе, расстёгнутая рубашка Саши и его лицо — пьяное и совершенно чужое.

— Как дела, дорогая? Не скучаешь? — спросил он.

— Скучаю, — тихо ответила я. — А ты?

— Я? Уже нет.

Он медленно, криво усмехнулся. У меня похолодели пальцы.

И в этот момент за его спиной мелькнула девушка.

Полуодетая. С растрёпанными волосами. В его номере.

У меня внутри всё оборвалось.

— Саша... кто это?

— А что не так, Даш?

Он даже не обернулся.

— Кто она?

— Твоя замена.

Смысл этих слов дошёл не сразу.

— Что?..

Девушка уверенно подошла к нему, словно имела на это полное право, обняла за плечи и легко поцеловала в щёку.

Саша не отстранился. Не убрал её руки. Не сделал ничего, что позволило бы мне поверить в недоразумение.

Саша подался ближе к экрану. Глаза у него были красные, злые, стеклянные.

Девушка за его спиной была совершенно реальной, но происходящее всё равно казалось какой-то нелепой ошибкой.

— Ты правда думала, что особенная? Единственная? Незаменимая?

Ответить не получилось.

— Нет, Дашенька. Не особенная. Не единственная. И, как видишь, вполне заменимая.

Девушка за его спиной громко засмеялась. Я ждала, что Саша остановит её. Он продолжал смотреть в камеру.

— Сашенька, пожалуйста... что происходит?

Его лицо исказилось.

— Не называй меня так.

Я собиралась повторить просьбу, но не решилась.

— Я терпеть больше не могу этот голос. Ты так хорошо играла чистую девочку, что я почти поверил.

— Я не понимаю...

— Конечно, не понимаешь. Ты же у нас всегда ничего не понимаешь. Такая нежная, правильная, беззащитная. Прямо тюльпан в пустыне.

Он зло усмехнулся.

— Знаешь, Даш, надоело.

Телефон задрожал в руках.

Саша взял со стола стакан и сделал глоток.

— Просто прими факт: я наигрался. Слишком долго изображал благородного мужа. Устал, Даш. Скучно стало.

Я почувствовала, как во мне что-то ломается. Тихо. Без звука.

Все последние два года — наши разговоры, вечера, поездки, его объятия, обещания — вдруг начали превращаться во что-то другое. В спектакль, о существовании которого знали все, кроме меня.

— Ты не можешь так... — прошептала я.

— Могу. Уже смог.

Он посмотрел прямо в камеру.

— Собирай свои вещи и убирайся из моей жизни. Ты мне больше не нужна.

Связь оборвалась. Телефон выскользнул из моих пальцев и упал на диван.

Руки тряслись. Губы дрожали. Я пыталась вдохнуть, но воздух застревал где-то в горле.

Нет. Так не бывает. Не может человек за несколько минут превратиться из самого родного в самого чужого.

Я схватила телефон и начала звонить ему снова. Один раз. Второй. Третий. Вызов не проходил. Он меня заблокировал.

Перед глазами оставался только чёрный экран — такой же пустой и тёмный, как будущее, которое ещё вчера казалось совершенно ясным.

Наверное, именно тогда впервые пришло настоящее понимание: человек, которого я любила больше жизни, только что сделал мне настолько больно, насколько вообще мог.

Минут через тридцать в дверь позвонили.

От резкого звука меня буквально подбросило.

На пороге стоял огромный мужчина с каменным лицом. Я знала его. Он работал в личной охране моего свёкра.

За его спиной стоял ещё один мужчина с рабочей сумкой в руке. Мастер по смене замков.

Мне сразу стало всё понятно. Но всё равно спросила:

— Что происходит?

Огромный мужчина был совершенно спокоен. Ни злости, ни жалости — перед ним просто стояла очередная задача, которую требовалось выполнить.

— Дарья Сергеевна, мне поручено проследить, чтобы вы покинули квартиру Александра Владимировича.

Квартиру Александра Владимировича.

Не нашу.

У меня задрожали губы.

— Мне... мне нужно собрать вещи.

Вот так, значит. Бархатов вычёркивал меня из своей жизни быстро, чётко, почти деловито. Так, будто решение было принято давно, а сейчас просто выполнялся заранее составленный порядок действий.

Какая удивительная скорость, Бархатов.

В спальне я достала сумку, положила паспорт, кошелёк, зарядку. Открыла шкаф и осталась. Не могла решить, на сколько дней брать одежду. Руки не слушались. Я несколько раз роняла вещи, поднимала их и снова роняла.

На пальце блеснуло кольцо. Его кольцо. Я сняла его быстро, почти рывком. Положила кольцо на тумбочку и машинально поправила рамку с нашей фотографией.

На снимке мы улыбались. Счастливые и глупые.

Вышла в прихожую, обулась, накинула пальто. Безопасник молча отступил в сторону, пропуская меня к двери.

Мастер уже достал инструменты. Замки начинали менять ещё до того, как я успела уйти.

Вот это почему-то оказалось особенно больно. Будто Бархатов боялся, что я вдруг пере-
думаю и попытаюсь вернуться.

Я не обернулась. Вышла из квартиры, спустилась вниз, села в такси и поехала в свою старую квартиру.

И только когда машина тронулась, я наконец заплакала.

Тихо. Без сил.

В свою квартиру я вернулась в том же состоянии, в каком вошла сюда после похорон родителей.

Только тогда я потеряла прошлую жизнь. А теперь — будущую.

Свет включать не стала. Даже не разулась. Прошла в комнату, опустилась на пол возле дивана и долго сидела там, не понимая, что делать дальше.

Плакала. Потом переставала. Потом снова начинала.

Я не спала всю ночь. Несколько раз брала телефон и смотрела на заблокированный чат. Надеюсь, что сейчас всё изменится. Что Саша напишет. Позвонит. Скажет, что был пьян, что сошёл с ума, что это какая-то чудовищная ошибка или чья-то тупая шутка.

Но телефон молчал.

Какая же я была дура. Наивная дура!

Влюбилась в первого встречного. В первого, кто приласкал, обнял, заставил поверить, что я снова кому-то нужна. И решила, что это навсегда.

Под утро я всё-таки провалилась в короткий, тяжёлый сон.

А утром меня разбудил звонок в дверь.

Я открыла не сразу. Некоторое время просто сидела на диване, пытаюсь понять, где нахожусь и почему так больно дышать.

На пороге стоял мужчина в тёмном костюме. Я видела его раньше: он работал адвокатом в «Линии права».

— Дарья Сергеевна, — сказал он ровно. — Нам нужно поговорить.

Я молча отступила в сторону, пропуская его внутрь.

Он прошёл в комнату, сел за стол и достал из папки документы. Спокойно, аккуратно, деловито.

— Александр Владимирович просил передать вам бумаги. Заявление о расторжении брака, соглашение об отсутствии имущественных претензий, порядок передачи личных вещей. Со своей стороны Александр Владимирович ни на что не претендует. От вас также не ожидается никаких требований.

— Он больше ничего не передавал?

— Нет, Дарья Сергеевна. Только документы.

Передо мной лежало несколько листов бумаги.

Я дочитала страницу и вернулась к первой строке. Не могла вспомнить ни слова. Там было много каких-то слов, за которыми пряталась одна простая мысль: меня больше нет в его жизни.

— Подписывать здесь? — спросила я.

Адвокат указал пальцем на нужную строку.

— Да. И здесь тоже.

Подпись получилась неровной, почти чужой.

Следующая.

Ещё одна.

Адвокат собрал документы обратно в папку, а я вдруг поймала себя на нелепой мысли: вечером надо будет рассказать Саше, какой отвратительно официальный у него юрист.

Привычка.

За два года я привыкла рассказывать ему всё — смешные мелочи, случайные мысли, всё, что хотелось разделить.

Теперь рассказывать было некому.

Вот и всё.

«И жили они долго и счастливо» закончилось.

Глава 23. Я не одна

Когда дверь за юристом закрылась, сил хватило только дойти до дивана и лечь.

Хотелось почувствовать хоть что-нибудь понятное: злость, обиду, ненависть. Но внутри было только тупое непонимание. Ощущение, что я проснулась в чужой жизни и никак не могла вспомнить, где вход обратно в свою.

А потом низ живота резко потянуло так сильно, что я согнулась пополам. Сначала подумала: нервы. Потом увидела кровь. И испугалась. По-настоящему.

Руки снова задрожали. Я встала, сделала несколько шагов и почти сразу опустилась на край дивана. Перед глазами поплыло.

В этот момент зазвонил телефон. Валентина Павловна.

Я ответила, не понимая, как вообще нажала на кнопку.

— Валентина Павловна... — прошептала я. — Мне плохо.

— Дашенька? — Её голос сразу стал тревожным. — Что с тобой? Я тебе с утра звоню.

— Я не знаю, что делать... Бархатов меня бросил. Только что был адвокат. Я подписала бумаги на развод. А теперь... у меня кровь. И живот болит.

— Я еду.

Она приехала быстро. Когда я открыла дверь, Валентина Павловна стояла на пороге бледная, перепуганная, в пальто, накинутом прямо поверх домашнего платья.

— Господи, Даша...

Она вошла, посмотрела на моё лицо, на дрожащие руки, на то, как я держусь за живот.

— Где болит?

— Внизу... Я не знаю... Там кровь...

Валентина Павловна подала мне пуховик.

— Одевайся. Поехали в больницу, я тебя отвезу.

Я никак не могла попасть рукой в рукав. Она помогла, подхватила сумку с документами.

— Задержка была?

— Наверное... Да. — Я растерянно посмотрела на неё.

— Деточка, да ты, похоже, беременна.

У меня были подозрения, я собиралась купить тест, но её слова всё равно застали врасплох.

Беременная. От человека, который несколько часов назад вышвырнул меня из своей жизни.

Валентина Павловна вывела меня из квартиры, придерживая под локоть. Внизу открыла машину, помогла сесть на пассажирское сиденье и устроилась за рулём.

В больнице мне подтвердили беременность. Срок — совсем маленький. И угроза прерывания.

Через три дня меня выписали. Валентина Павловна встретила у выхода, отвезла домой и с тех пор приезжала почти каждый день: готовила, заставляла есть, садилась рядом, когда я опять начинала плакать, и называла «деточкой» так, что хотелось снова стать маленькой и спрятаться у неё на груди.

До дня рождения Бархатова оставалось совсем немного. Ещё недавно я выбирала ему подарок.

Два года назад, в свой день рождения, он предложил мне встречаться.

Странно. Всё закончилось почти там же, где когда-то началось.

А ведь именно Саша помог мне снова начать жить после гибели родителей. Он был моей опорой. С ним я чувствовала себя защищённой, любимой, нужной.

За два года привыкла верить: что бы ни случилось, у меня есть Саша.

А потом именно он лишил меня всего этого. Сначала дал. Потом отнял.

Теперь же все мои симптомы ПТСР вернулись. Я боялась засыпать, просыпалась от собственного крика, подолгу стояла у входной двери, не решаясь выйти.

Но я любила его по-настоящему и после случившегося любить не перестала.

Он вышвырнул меня из своей жизни, как ненужную вещь. А что мне делать со своей любовью — не объяснил.

Ещё немного позже ко мне приехал Никита — однокурсник Бархатова. Близкими друзьями они не были, скорее приятелями: вместе работали, иногда пересекались вне офиса, и Никита нередко бывал у нас дома.

— Как ты? — спросил он неловко, проходя в квартиру.

Как, как?

Плохо. Беременно. Токсикозно. Разбито.

Но вслух я ответила только:

— Не очень.

Я долго сомневалась, говорить ли Бархатову о ребёнке. Одна часть меня хотела молчать из обиды. Хотела, чтобы он никогда не узнал. Чтобы однажды ему стало так же больно, как мне.

Но другая часть понимала: это неправильно. Он отец. Он должен знать.

Понятное дело, между нами больше ничего и никогда не будет. Но если Бархатов захочет участвовать в жизни ребёнка хотя бы в роли воскресного папы, придётся постоянно его видеть. А этого я очень не хотела.

И всё же я решила сказать.

Сама я не могла: он заблокировал меня везде, а идти к нему после всего лично я бы не смогла. И решила передать через Никиту.

— Передай Бархатову, пожалуйста, что я беременна. Видеть его не хочу, но он должен знать.

Новость явно застала Никиту врасплох. На его лице мелькнуло такое искреннее удивление, что на секунду мне даже стало неловко.

— Хорошо, — сказал он после небольшой паузы. — Я передам.

На следующий день он приехал снова. По его лицу я сразу поняла: ничего хорошего он не скажет.

— Даш, ты только не расстраивайся, ладно? Я передал Саше. Он... не обрадовался. Сказал, что ему не нужна ни ты, ни ребёнок.

— Он так и сказал?

Никита отвёл взгляд.

— Почти. Он сказал жёстче. Что ты сама во всём виновата. И что тебе лучше сделать аборт, пока не поздно.

Меня затошнило от этих слов.

— Нет, — сказала я.

— Даш, я понимаю, это звучит ужасно. Но, может, тебе и правда стоит подумать? Ты молодая. У тебя ещё будет нормальная жизнь. Без этого всего. Без Бархатовых, без судов, без войны за ребёнка.

Вот тут впервые за долгое время вместо боли пришла злость.

— Для кого-то это, может быть, просто операция. Для меня — нет. Для меня это мой ребёнок. И я его не убью. Я решение приняла. Ребёнка я оставляю. И больше эту тему со мной не обсуждай.

Никита тяжело вздохнул.

— Хорошо. Тогда подумай о другом. Если Саша узнает, что ребёнок родился, он может передумать. Даже если сейчас говорит, что ему всё равно. Он отец. За ним семья, деньги, юристы, связи. Если они захотят забрать ребёнка, они найдут способ. Он всегда берёт то, что хочет.

Ты и сама это знаешь. И я уверен, что ребёнка он заберёт. Да, хотя бы ради того, чтобы сделать тебе больно.

Всё внутри меня сжалось. Об этом я, честно сказать, не подумала.

— Он не сделает этого, — прошептала я.

Никита посмотрел на меня почти с жалостью.

— Ты уверена? После всего, что он уже сделал?

Да, теперь уже не уверена.

Я вспомнила, как при мне меняли замки. Тогда моего согласия тоже никто не спрашивал.

В тот же день я поехала к Валентине Павловне.

За столом сидели она и её муж — Андрей Петрович. Спокойный, человек, который всегда говорил мало, но по делу.

Я рассказала им всё. Про Никиту. Про слова Бархатова. Про аборт. Про страх, что Бархатовы могут забрать ребёнка.

Валентина Павловна слушала бледная, с крепко сжатыми губами. Андрей Петрович выслушал до конца, а когда я закончила, он сказал:

— Страх не беспочвенный. Возможно, Александр и правда ничего не захочет. А возможно — передумает. И ты и правда не сможешь с ним тягаться.

— Да, и тогда в лучшем случае, деточка, — тихо добавила Валентина Павловна, — ты станешь воскресной мамой.

Андрей Петрович посмотрел на неё и добавил:

— А в худшем — он просто вычеркнет тебя из жизни ребёнка. Так же быстро, как он уже вычеркнул тебя из своей.

Мне стало совсем плохо, а Андрей Петрович решил меня добить.

— Есть ещё один момент. Если ребёнок родился в течение трёхсот дней после развода, в ЗАГСе отцом запишут бывшего мужа. То есть Бархатова.

И вот тогда воображение дорисовало всё само. Бархатов узнаёт. Приезжает. Требует. Начинаются суды. Забирает. И я снова остаюсь одна. Только теперь уже без ребёнка. Мне стало по-настоящему страшно.

— И что мне теперь делать?

Андрей Петрович немного подумал.

— Один из вариантов — родить и зарегистрировать ребёнка за границей. Например, в Грузии. Там действуют местные правила. Ты уже будешь разведена, и без совместного заявления родителей сведения об отце в свидетельство не внесут.

— А когда я вернусь в Россию?

— У тебя останется иностранное свидетельство о рождении. Заново регистрировать здесь рождение никто не будет. Но если Александр обратится в суд, вопрос об отцовстве всё равно придётся решать.

— Это нереально. Куда я поеду? — Растерялась я окончательно.

И тут Валентина Павловна вдруг выпрямилась.

— Нино!

— Нино? — не поняла я.

— Нино Георгиевна Абуладзе, — сказала она уже увереннее. — Она работала с твоими родителями в Красном Кресте. Очень хорошая женщина. Надёжная. Живёт в Грузии.

Андрей Петрович кивнул.

— Точно. Первое время поживёшь у Нино, и она поможет решить с документами, врачами и всем остальным.

Уехать беременной одной в чужую страну казалось безумием. Но ещё страшнее было однажды открыть дверь и увидеть на пороге Бархатова с адвокатами.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Я уеду.

В тот же вечер Валентина Павловна поговорила с Нино. Та согласилась меня принять.

После официального развода я снова стала Тихомировой, поменяла российский и заграничный паспорта и почти сразу улетела в Грузию.

Нино Георгиевна встретила меня в аэропорту сама: невысокая, темноволосая, с внимательными глазами и тёплыми руками. Она обняла меня так крепко, будто знала всю жизнь.

— Дашенька, — сказала она с мягким акцентом. — Всё. Теперь ты у меня. Не бойся.

И почти сразу следом за мной мир захлопнул двери.

Пандемия уже набирала обороты. Вскоре после моего приезда Грузия закрыла границу, начали отменяться рейсы, одна страна за другой вводила ограничения.

Привычная жизнь остановилась.

Так прошлое оказалось отрезано от меня — и, наверное, именно это тогда мне и было нужно.

Первое время я жила у Нино Георгиевны. Она окружила меня такой заботой, что порой становилось неловко.

Через пару недель я сняла небольшую квартиру неподалёку от неё.

Деньги у меня были. Страховой выплаты за родителей хватило бы надолго. Они каким-то невозможным образом продолжали обо мне заботиться.

Беременность проходила тяжело. Несколько раз пришлось лежать на сохранении, принимать лекарства и каждый раз бояться, когда снова начинал болеть живот.

Но теперь боялась уже не за себя.

Во мне рос человек, ради которого я впервые после всего снова захотела будущего.

В августе, раньше срока, у меня родилась дочь. Совсем маленькая, слабенькая, почти невесомая.

Врач объяснил: лёгкие ещё не успели созреть, поэтому дышать самостоятельно ей трудно. Дочку сразу забрали в отделение для недоношенных, поместили в кювез и подключили к дыхательной поддержке.

Потом стало хуже.

Тест на ковид оказался положительным. Как именно заразилась девочка, никто сказать не мог, но для её незрелых лёгких инфекция стала ещё одним серьёзным испытанием. Дышать стало тяжелее.

Врачи говорили осторожно: состояние тяжёлое, но стабильное. Нужно ждать. Я цеплялась за это «стабильное».

Теперь оставалось надеяться только на одно — что маленький организм выдержит.

Из-за карантина меня в отделение не пускали. Но мне разрешили увидеть дочь через стекло.

Я стояла там, прижав обе ладони к холодному стеклу. За ним, в глубине палаты, среди белого света, прозрачных стенок кювеза и медицинских приборов лежала моя дочь.

Такая крохотная, что казалось невозможным, чтобы в этом маленьком теле могла помещаться целая жизнь.

Я смотрела на неё и беззвучно плакала.

Столько месяцев я ждала, когда смогу взять её на руки. Представляла, как буду укачивать, целовать маленькие пальчики. А теперь мне разрешалось только стоять и смотреть.

Мне хотелось пройти сквозь стекло, прижать к груди и спрятать от всего, что могло её отнять.

— Маленький мой тюльпанчик. Ты только живи. Только дыши, пожалуйста.

Я прижалась лбом к стеклу.

— Я буду твоим дождём. Я стану твоей защитой. Стану твоей тенью. Только держись, моя маленькая. Пожалуйста, держись.

И моя маленькая девочка послушалась маму. Она выжила.

Вскоре я получила свидетельство о рождении дочери в грузинском Доме юстиции. Мой бывший муж здесь никого не волновал.

Более того, в свидетельстве не было графы «отчество».

Елена Тихомирова.

Мою маму звали Еленой. А позже я хотела, чтобы в российском паспорте дочь стала Сергеевной в память об отце.

В графе «отец» стоял прочерк.

Тогда мне казалось, что его имя там никогда не появится.

Первые месяцы с Леночкой дались тяжелее, чем я представляла. Она часто болела, плохо спала и могла плакать часами. К утру я порой уже не понимала, какой сегодня день, и существовала где-то между кормлениями, лекарствами, врачами и короткими отрезками сна.

Но справлялась. Наверное.

В какой-то момент Нино Георгиевна заявила, что ещё немного — и спасать придётся уже меня. Она была рядом постоянно: приносила еду, возилась с Леночкой, иногда буквально выгоняла меня спать.

Постепенно стало легче.

Дочка крепла, улыбалась, тянула ко мне ручки, смешно морщила нос и с каждым месяцем всё увереннее осваивалась в этом мире.

А вместе с ней возвращалась к жизни и я.

Мы гуляли у моря. Я носила её на руках вдоль берега, показывала ей чаек, волны, горы вдали. Потом она научилась ходить и уже сама топала по песку, упрямо убегая от меня к воде.

О Бархатове я вспоминала всё реже. Сначала за заботами о дочери, потом — даже в спокойные вечера. Больше не представляла нашу встречу. Не разговаривала с ним в своей голове. Мне казалось, любовь постепенно прошла. Я строила планы без него и была довольна своей жизнью.

За это время я получила в российском консульстве все необходимые документы на Леночку — подтверждение российского гражданства и загранпаспорт. Юридически всё было чисто, так что и с этой стороны всё было спокойно.

Институт я всё-таки закончила. Из-за пандемии нас перевели на дистанционное обучение, и в начале 2021 года я защитила диплом по видеосвязи, не выезжая из Грузии.

И однажды я вдруг поняла: мне хорошо.

По-настоящему.

Вопросы с документами помогала решать Нино, денег нам хватало. У нас был дом, привычные врачи, свои маршруты, любимая пекарня неподалёку и маленькая жизнь, которую мы построили вдвоём.

В Москву возвращаться я пока не собиралась. Там оставалось слишком много того, к чему я больше не хотела прикасаться.

Но в феврале 2022 года привычный мир снова начал меняться.

Начались военные действия. Новости становились тревожнее с каждым днём, но я ещё надеялась, что это меня не коснётся.

А в сентябре объявили мобилизацию. И вот тогда мне стало по-настоящему страшно.

Не сама мобилизация — меня она, конечно, не касалась. Пугало другое. Я слишком хорошо знала, как быстро привычная жизнь может исчезнуть. Сегодня есть самолёты, открытые дороги, работающие границы и понятные правила. А завтра всё меняется за несколько часов.

А если снова закроют границы? Если изменятся правила въезда и выезда? Если станет сложнее с документами? Этих «если» вдруг стало слишком много.

По телевизору показывали Верхний Ларс и километровые очереди машин. И пока тысячи людей пытались попасть в Грузию, я собирала чемоданы в обратную сторону.

В Москве у меня была квартира, российское гражданство и Валентина Павловна.

И главное — туда возвращалась уже не та слабая, наивная девочка, которая когда-то бежала.

Теперь у меня была дочь. И я смогу защищать нас обеих.

В начале октября мы с Леночкой уже были в Москве.

Мы вернулись в мою квартиру, обустроились, вошли в какой-то новый ритм.

Ни с кем из окружения Бархатова я не связывалась. О бывшем муже ничего не узнавала и знать не хотела.

Прошло почти четыре месяца, и я даже начала думать, что зря так боялась возвращения. Москва огромная. Можно годами жить в одном городе и никогда не пересечься.

Как же я ошибалась. В начале февраля мы с Леночкой были в торговом центре. Купили ей ботинки и теперь неспешно шли по просторной галерее между магазинами, переговаривались, смеялись о чём-то своём.

И вдруг я заметила мужчину. Он стоял метрах в пяти от нас, чуть в стороне от потока людей, и смотрел прямо на меня.

Сначала я просто скользнула по нему взглядом, но что-то показалось знакомым. Я пригляделась — и улыбка сама исчезла с лица.

Барс!

Всё. Я попала.

Из всех миллионов людей в Москве мне нужно было встретить именно его. Он — друг моего бывшего мужа. Он мне нравился, но сейчас, конечно, я не рада была его видеть.

Я подхватила дочь на руки, развернулась в противоположную сторону и побежала к выходу. Не оглядываясь.

Уже почти спустилась на первый этаж, когда за спиной раздался спокойный голос:

— Здравствуй, Даша.

Я вздрогнула и резко повернулась. Барс стоял в нескольких шагах.

Откуда появился — понятия не имею.

Хотя чему я вообще удивляюсь? Барс половину жизни провёл в разведке. Потерять меня в торговом центре для него, наверное, было бы профессиональным позором.

— Здравствуйте.

— Дочка? — Он указал на Леночку.

Я крепче прижала её к себе.

— Да.

И потом неожиданно для себя самой ляпнула:

— Она не дочь Бархатова.

Вот блин! Ну надо же так тупо спалиться.

Барс чуть приподнял бровь.

— Я этого не спрашивал.

— Тогда и не спрашивайте. Всего доброго!

Он меня не остановил.

Домой я вернулась уже без иллюзий.

Бархатов узнает. Вопрос только — когда.

Оставалось надеяться, что дочерью он не заинтересуется.

Но моих надежд хватило ровно до следующего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.